

Бертран Рассел

Философский словарь разума, материи, морали

1. Все (all)

Высказывания, содержащие «все» или «ни один», могут быть опровергнуты эмпирическими данными, но не могут быть доказаны иначе, чем логически и математически.

Можно доказать, что «все простые числа, кроме 2, нечетны», потому что это следует из определений; но мы не можем доказать, что «все люди смертны», поскольку не можем доказать, что никого не пропустили.

2. Геометрия неевклидова

Лобачевский, обнаружив неевклидову геометрию, разрушил математический аргумент Кантовской трансцендентальной эстетики. Вейерштрасс доказал, что непрерывность не предполагает бесконечно малые величины; Георг Кантор создал теорию непрерывности и теорию бесконечности, положившую конец всем старым парадоксам, которыми кормились философы. Фреге показал, что арифметика вытекает из логики, вопреки мнению Канта. Все эти результаты были достигнуты обычными математическими методами и так же несомненны, как таблица умножения.

Философы отреагировали на сложившуюся ситуацию тем, что не стали читать упомянутых авторов.

3. Геометрия, эвклидова и неевклидова

Геометрия проливает не больше света на природу пространства, чем арифметика – на количество населения в США. Геометрия – это целое собрание дедуктивных наук, основанное на соответствующем собрании наборов аксиом. Один набор аксиом – эвклидов; другие такие же хорошие наборы аксиом ведут к другим результатам.

Насколько эвклидовы аксиомы верны – это вопрос, к которому чистый математик безразличен. Более того, на этот вопрос теоретически невозможно дать определенный утвердительный ответ.

4. Скептицизм

Скептицизм в том виде, в котором я его отстаиваю, означает лишь следующее: 1) если эксперты пришли к согласию, противоположное мнение не может считаться верным; 2) если они не пришли к согласию, не-эксперты не должны считать верным никакое мнение; 3) когда все эксперты решили, что нет достаточных оснований для определенного мнения, обычному человеку лучше всего воздержаться от суждения.

Скептицизм, будучи логически безупречным, психологически невозможен, и элемент легкомысленной неискренности присутствует в любой философии, которая на него претендует. Более того, пригодный для теоретического обоснования скептицизм должен отказаться от всех умозаключений из опыта; частичный скептицизм, связанный с отрицанием никем не ощущаемых физических событий, так же, как и солипсизм, допускающий события в моем будущем или события в прошлом, о которых я не помню, не может быть логически обоснован, поскольку он принимает принципы умозаключения, ведущие к неприемлемым для него представлениям.

Скептицизм в отношении ощущений мучал греческих философов с очень давних пор; единственным исключением были те, кто, подобно Пармениду или Платону, отрицал познавательную значимость восприятия и обращал это отрицание на пользу интеллектуального догматизма.

Софистов, а именно Протагора и Горгия, двусмысленность и явные противоречия чувственного восприятия привели к субъективизму, сходному с субъективизмом Юма.

По-видимому, Пиррон, который весьма мудро не писал книг, дополнил скептицизм в отношении чувств моральным и логическим скептицизмом.

Но мало-помалу, особенно на протяжении последних тринадцати лет, лучшие люди науки в результате технического прогресса все чаще и чаще приходят к некоторой форме скептицизма, практически аналогичной скептицизму Юма. Эддингтон, комментируя теорию относительности, склоняется к той точке зрения, что большинство так называемых научных законов является результатом соглашения между людьми.

5. Идея

Он (Беркли) называет «идеями» все, что известно нам непосредственно, как, например, известны факты ощущений.

6. Истина

Таким образом, я делаю вывод, что предложения, содержащие переменные, могут быть истинными в силу их отношения к одному или нескольким ненаблюдаемым фактам, и что это отношение такого же рода, что и отношение, в силу которого истинны подобные предложения, касающиеся фактов наблюдаемых, например, «в Лос-Анджелесе есть люди». О ненаблюдаемых фактах можно говорить в общих терминах, а не с той конкретностью, которая возможна там, где речь идет о наблюдаемых фактах. И нет оснований не считать «истину» понятием более широким, чем «знание».

Хотя дискуссия до сих пор не завершена, я думаю, что истина и знание различны, и что высказывание может быть истинным, несмотря на отсутствие какого-либо метода, позволяющего в этом убедиться. Мы можем в таком случае принять закон исключенного третьего. Мы определим «истину» через обращение к «событиям» (речь идет не о логической истинности), а «знание» – через обращение к «объектам перцепции». Таким образом, «истина» окажется понятием более широким, чем «знание».

Мое определение истины таково: убеждение истинно тогда, когда оно соответствует факту. Но каким образом я получаю это соответствие факту? Я бы ответил, что хотя мы не получаем такого количества фактов, какого бы нам хотелось, мы все-таки приходим к некоторым: мы получаем свои собственные чувства и ощущения, которые могут подтверждать наши предыдущие убеждения. Поэтому я думаю, что такая вещь, как верификация убеждения посредством получения соответствующих ему фактов, в некоторых случаях существует, однако лишь в некоторых случаях; существует огромная сверхструктура, не подвластная подобной верификации. Возможно, в предложенном здесь анализе «соответствие» сводится к ожидаемости.

Третий момент, возможно, не столь определенный, как два предыдущие, состоит в том, что истина памяти не может быть полностью практической, какой хотели бы видеть всякую истину прагматики. Представляется очевидным, что некоторые из вещей, хранящихся в моей памяти, тривиальны и не имеют никакого явного значения для будущего, но моя память является истинной (или ложной) благодаря прошедшему событию, а не благодаря каким-либо будущим следствиям моего убеждения. Определение истины как соответствия между убеждениями и фактами кажется особенно очевидным в случае с памятью, вопреки не только прагматическому определению, но также и идеалистическому определению через когерентность.

Чисто формальное определение истинности и ложности не составляет особой трудности. Требуется формально выразить, что высказывание истинно, когда оно указывает на свой объект, и ложно, когда не указывает на него. В очень простых случаях можно очень просто дать этому очень простое объяснение: можно сказать, что истинные высказывания в каком-то смысле похожи на свой объект, а ложные не похожи.

То, в чем твердо убеждены, называется знанием в том случае, когда оно либо является интуитивным, либо выведено (логически или психологически) из интуитивного знания, из которого оно логически следует. То, в чем мы твердо убеждены, называется заблуждением, если оно не является истинным. То, в чем мы твердо убеждены, когда оно не является ни знанием, ни заблуждением, а также то, в чем мы не слишком убеждены, поскольку оно получено из чего-то, не обладающего высшей степенью самоочевидности, может быть названо вероятным мнением.

7. Истина техническая

Наука, таким образом, поощряет отказ от поисков абсолютной истины, заменяя ее тем, что может быть названо «технической» истиной, которой обладает любая теория, способная успешно применяться в изобретениях или в прогнозировании будущего. «Техническая» истина является относительной характеристикой: теория, служащая основой большего количества успешных изобретений и прогнозов, является более истинной, чем та, которая вызывает их меньшее количество. «Знание» перестает быть умственным отражением вселенной и становится всего лишь практическим орудием в обращении с материей.

8. Истинное

Высказанное предложение выражает убеждение; то, что делает его истинным или ложным, есть факт. Факт в общем случае отличается от убеждения. Истинность и ложность являются внешними отношениями; то есть никакой анализ предложения или убеждения не в силах показать, истинно оно или ложно. Это не касается логики и математики, где истинность или ложность в некоторых случаях следуют из формы предложения.

9. Истины самоочевидные

Но поскольку доказательства нуждаются в посылках, невозможно ничего доказать, не принимая некоторых вещей без доказательства. Мы должны поэтому задаться вопросом: какого рода вещи допустимо принимать без доказательств? Я бы ответил так: факты чувственного опыта и принципы математики и логики, – включая индуктивную логику, применяемую в науке. Это вещи, в которых мы едва ли усомнимся, и в отношении которых человечество в значительной степени достигло согласия.

Но в вопросах, относительно которых люди расходятся, или там, где наши собственные убеждения не тверды, следует искать доказательств, или, если доказательства не могут быть найдены, довольствоваться признанием собственного невежества.

10. История

История всегда интересовала меня больше, чем что-либо другое, за исключением философии и математики. Я никогда не мог принять ни одну общую схему исторического развития, как у Гегеля или Маркса. Тем не менее, общие тенденции можно изучать, и изучение полезно по отношению к происходящему.

Я видел жестокость, преследования и суеверия, которые стремительно возрастали, пока мы едва не достигли той точки, где похвала рациональности служит знаком, выделяющим человека как старомодный и печальный пережиток прошлого. Все это подавляет, но уныние – бесполезная эмоция. Чтобы избавиться от него, я вынужден был погрузиться в изучение прошлого с большим вниманием, чем прежде. Тогда я обнаружил, как и Эразм, что глупость неуязвима, а человеческая раса все же выжила. Глупости нашего времени легче вынести, рассматривая их на фоне прошлых глупостей.

Является история наукой или нет, она, конечно, может быть искусством. Я ценю ее как за увлекательность, так и за ее вклад в установление каузальных законов. Я ценю ее также за то знание, которое она дает о людях в обстоятельствах, весьма отличных от наших собственных, – главным образом, не аналитическое научное знание, но тот вид знания, которым обладает любитель собак по отношению к своей собаке. Может быть, главный смысл истории состоит в том, что она расширяет мир нашего воображения, делая нас в мысли и чувстве гражданами большего мира, чем мир наших ежедневных занятий. Тем самым она приносит не только знание, но и мудрость.

Я думаю, ход истории подчинен законам, и, возможно, для достаточно мудрого человека предопределен, но нет того, кто мудр достаточно. Ход истории слишком сложен, чтобы мы могли его просчитать; и человек, утверждающий, что сделал это – шарлатан.

11. Бритва Оккама

Принцип, который вдохновляет все научное философствование, а именно, «бритва Оккама». «Сущности не следует умножать без необходимости». Другими словами, имея дело с любым предметом, установите, какие сущности явно присутствуют, и формулируйте все в терминах этих сущностей.

Оккам наиболее известен благодаря принципу, который нельзя найти в его трудах, но который получил наименование «бритвы Оккама». Этот принцип гласит: «Сущности не следует умножать без необходимости». Хотя он и не говорил этого, но он утверждал нечто очень близкое, а именно: «Бессмысленно делать из большего то, что может быть сделано из меньшего». Это означает, что если в какой-либо науке все может быть истолковано без полагания той или иной гипотетической сущности, то нет оснований для такого полагания. Я на собственном опыте убедился, что этот принцип чрезвычайно плодотворен для логического анализа.

12. Бог

Если все должно иметь причину, Бог тоже должен иметь причину. Если может существовать что-нибудь без причины, это может быть в равной степени как мир, так и Бог, так что в этом аргументе не может быть никакой вескости. Он того же рода, что и мнение индийца, будто мир покоится на слоне, а слон покоится на черепахе.

Когда спросили: «А как насчет черепахи?», индеец сказал: «Давайте переменим тему». Аргумент, о котором идет речь, на самом деле не лучше.

Существуют, вообще говоря, две функции, которые христианский Бог должен выполнять. Он должен быть Провидением и Творцом. Лейбниц присоединил первую функцию ко второй, хотя и часто отрицал, что сделал это.

Почему Бог издал именно эти, а не другие законы природы? Если мы скажем, что он сделал это просто по своей доброй воле и без какого-либо основания, мы обнаружим, что существует нечто, не подчиняющееся законам, и тогда цепь естественного порядка прервется.

Если скажем, как это делает большинство ортодоксальных теологов, что при издании каждого из законов Бог имел основание дать именно этот, а не другой закон (основанием, конечно, было создать наилучший универсуум, хотя нам не пришло бы это в голову, глядя на него), – то есть если было основание для законов, данных Богом, тогда Бог сам подчиняется закону, и поэтому нет никакого смысла вводить Бога в качестве посредника. [Позвольте комментарий – А.Б. А как насчет «добровольного подчинения (своим же) законам»? Между прочим это именно то, за нарушение чего были изгнаны из рая люди...] Когда мы смотрим на этот аргумент промысла, больше всего удивляет, как люди могут верить, будто бы этот мир, со всем, что в нем есть, со всеми недостатками, должен быть лучшим из всех, которые всемогущество и всезнание способны были произвести за миллионы лет. Я действительно не

могу в это поверить.

13. Мысль

Люди боятся мысли больше всего на свете – больше, чем разорения, даже больше, чем смерти. Мысль разрушительна и революционна, губительна и ужасна; она беспощадна к привилегиям, установленным институтам и обычаям. Мысль анархична и незаконна, безразлична к авторитету; она пренебрегает проверенной веками мудростью. Мысль заглядывает в бездну ада, и не боится. Она обнаруживает там человека, ничтожную пылинку, окруженную пучиной безмолвия; но он держится с достоинством, невозмутимо, будто господин вселенной.

Мысль величественна, быстра и свободна. Она – свет мира и важнейший источник красоты человека.

14. Функция мысли

Важной практической функцией «сознания» и «мысли» является то, что они позволяют нам действовать с учетом вещей, удаленных от нас во времени и пространстве, несмотря на то, что в настоящий момент они не воздействуют на наши органы чувств.

15. Мужество

Смелость в бою является не единственной и, возможно, даже не наиболее важной формой мужества. Есть также мужество переносить бедность, мужество переносить насмешки, мужество переносить враждебность толпы. Здесь даже самые храбрые солдаты часто оказываются в жалком положении. И главное – есть смелость спокойно и сдержанно думать перед лицом опасности, сдерживая порыв панического страха или ярости.

16. Зло

Когда понимаешь, что главные из зол происходят из слепой власти материи и являются неизбежным результатом сил, не обладающих сознанием, и потому ни хороших, ни плохих, возмущение становится бессмысленным, как Ксеркс, наказывающий Геллеспонт. Так осознание необходимости освобождает от возмущения. Но оно не может предотвратить чрезмерную поглощенность злом.

Очевидно, что существуют хорошие и существуют плохие вещи, и мы не можем знать, преобладает ли добро.

17. Доброта

С позиции житейской мудрости, враждебные чувства и ограничение взаимопонимания глупы. Их плоды – война, смерть, угнетение и мучения – не только для своих первоначальных жертв, но в конечном счете и для палачей или их потомков. Вместе с тем, если бы мы все могли научиться любить наших ближних, мир вскоре стал бы раем для всех нас.

18. Доверчивость

Одна из главных помех для ума – доверчивость. Ее можно значительно уменьшить, просвещая в отношении преобладающих форм лжи. В наши дни доверчивость является большим злом, чем когда-либо прежде, потому что благодаря распространению образования стало гораздо легче распространять дезинформацию, а благодаря демократии распространение дезинформации стало гораздо более важным инструментом власти имущих, чем в прежние времена.

19. Догматизм

Но чтобы философия могла служить какой-то положительной цели, она не должна учить одному скептицизму, ибо если догматики приносят вред, то скептики бесполезны.

Догматизм и скептицизм – философии в каком-то смысле абсолютные: одна уверена в знании, другая – в незнании.

Уверенность – это именно то, что должна рассеивать философия, будь то уверенность в знании или в незнании.

20. Знание (knowing)

Такой объективный способ рассмотрения знания, по моему мнению, гораздо более плодотворен, чем способ, уже ставший привычным в философии. Я имею в виду, что если мы хотим дать определение «знания», нам следует определить его как способ реагирования на окружающий мир, а не путем привлечения чего-то («состояния разума»), наблюдаемого только обладателем знания.

21. Знание (knowledge)

Знание, на мой взгляд, является гораздо менее точным понятием, чем обычно думают, и более глубоко укоренено в невербальное поведение животных, чем было склонно считать большинство философов. Логически элементарные предположения, к которым приводит наш

анализ, психологически являются завершением долгого ряда усовершенствований, который начался с привычных ожиданий у животных, таких, как ожидание, что предмет с определенным запахом будет пригоден в пищу. Таким образом, вопрос о том, «знаем» ли мы требования научного умозаключения, не так ясен, как это кажется.

Ответ должен быть таким: в одном смысле – да, в другом смысле – нет; но в последнем случае мы вообще ничего не знаем, и «знание» в этом смысле – обманчивая мечта.

Затруднения философов в значительной степени обусловлены тем, что они не желают пробуждаться от этого счастливого сна.

«Знание» – понятие неточное; тому есть две причины.

Во-первых, значение слов всегда более или менее неточно вне логики и чистой математики; во-вторых, все то, что мы считаем знанием, в большей или меньшей степени неопределенно, и нет метода определения того, какая степень неопределенности необходима, чтобы мнение не было достойно называться «знанием», так же, как и не существует способа выяснить, какая степень утраты волос делает человека лысым.

Различие эмпирического и априорного, по-видимому, связано с тем, что источники знания путают с основаниями истинности. Несомненно, есть существенное различие между знанием, полученным путем восприятия, и знанием, полученным путем рассуждения; но это не говорит о различии в отношении того, что известно. [У меня есть подозрение, что тут должно было стоять слово «истинно» – А.Б.]

22. Знание бесполезное

Возможно, наиболее значительным преимуществом «бесполезного» знания является то, что оно способствует развитию созерцательного склада ума. В мире слишком уж много не только готовности к действию без достаточного предварительного размышления, но и готовности действовать тогда, когда здравый смысл побуждает к бездействию.

23. Знание общее

Под «общим знанием» я имею в виду знание истинности или ложности предложений, содержащих слово «все», или слово «некоторые», или логические эквиваленты этих слов.

Может показаться, что слово «некоторые» предполагает меньше общности, чем слово «все», однако это было бы ошибкой. Это видно из того факта, что отрицание частного суждения есть общее суждение, и наоборот.

24. Знание через интроспекцию

Следующее уточнение, которое необходимо рассмотреть – это непосредственное знакомство через интроспекцию. Мы не только осознаем предметы, но часто осознаем, что мы их

осознаем. Когда я вижу солнце, я часто осознаю, что вижу солнце; таким образом, «мое видение солнца» является объектом, с которым я непосредственно знаком.

25. Знание через непосредственное знакомство

Будем говорить, что мы непосредственно знакомы с тем, что мы осознаем напрямую, без посредства какого-либо процесса вывода или какого-либо знания истин.

26. Знание через описание

Мое знание стола как физического объекта, наоборот, не является прямым знанием. В таком виде, в котором оно существует, оно получается благодаря непосредственному знакомству с фактами ощущений, составляющих видимость стола. Мы убедились, что можно вполне осмысленно сомневаться, существует ли стол вообще, в то время как невозможно сомневаться в фактах ощущений. Мое знание стола – это знание такого рода, который мы будем называть «знанием через описание».

27. Знание через описание и через непосредственное знакомство

Мы непосредственно знакомы с фактами ощущений, со многими универсалиями и, возможно, с собой, но не с физическими объектами или другими разумами. Мы обладаем описательным знанием объекта в том случае, когда мы знаем, что именно этому объекту присуще некоторое свойство или свойства, с которыми мы непосредственно знакомы. Иначе говоря, если мы знаем, что свойство или свойства, о которых идет речь, принадлежат только одному объекту, можно сказать, что мы обладаем знанием этого одного объекта через описание, независимо от того, знакомы мы с этим объектом или нет. Наше знание физических объектов и других разумов – это только знание через описание, причем соответствующие описания обычно включают факты ощущений. Все понятные нам высказывания, независимо от того, касаются ли они прежде всего вещей, известных нам только через описание, состоят исключительно из таких составных частей, с которыми мы непосредственно знакомы, ибо составные части, с которыми мы не знакомы непосредственно, нам не понятны.

28. Знать

Вообще, я предпочитаю употреблять слово «знать» в смысле, предполагающем отличие знания от того, что известно, и принимать как следствие, что, как правило, мы не знаем своего текущего опыта.

29. Свобода (freedom)

Из подчинения наших желаний вырастает добродетель смирения; из свободы наших мыслей вырастает целый мир искусства и философии и видение красоты, благодаря которому все же удается наполовину отстоять неподатливый мир. Но видение красоты возможно только для освобожденного созерцания, для мыслей, не отягощенных грузом пылких желаний; свобода приходит только к тем, кто не просит у жизни, чтобы она одарила их личными благами, подверженными превратностям Времени.

30. Свободная воля

Первой догмой, в которую я отказался верить, была свобода воли. Мне казалось, что все движения материи определяются законами динамики и не могут поэтому быть объектом воздействия человеческой воли, даже в случае, когда материя является частью человеческого тела. Я никогда не слышал ни о картезианстве, ни о какой-либо другой из великих философских теорий, но мои мысли спонтанно двигались путем картезианства.

Коротко говоря, свобода в сколько-нибудь существенном смысле этого слова требует лишь, чтобы наши волеизъявления были результатом наших собственных желаний, а не внешних сил, заставляющих нас стремиться к чему-то другому. Все остальное – ошибка мысли, возникающая из ощущения, что знание принуждает к существованию того, что известно, когда это относится к будущему, хотя совершенно очевидно, что знание не имеет такой силы по отношению к прошлому. Таким образом, свободная воля существует только в одной форме, которая является важной; а желание других форм – это всего лишь результат недостаточного анализа. [А.Б. – комментарий: Имеется (видимо) в виду, что хотим мы на самом деле всегда чего-то одного, своего, но внешние воздействия искажают это, и заставляют нас помыслить, что мы хотим совсем другого. «На самом же деле все хотят одного – смерти» (а смерть Бог отнял, даровав всем жизнь вечную).]

Выхода из этой дилеммы некоторые ищут, предполагая свободную волю в живых существах, а детерминизм – везде, кроме них; другие – опираясь на искусные софистические попытки примирения свободы с детерминизмом. На самом деле у нас нет оснований принять ни одну из этих альтернатив, но у нас также нет оснований предполагать, что истина, какова бы она ни была, состоит в соединении привлекательных сторон обеих, или что истина в какой-либо степени определяется нашими желаниями.

31. Бесконечный

Совокупность элементов является бесконечной, когда в качестве составных частей она содержит другие совокупности, которые имеют точно такое же число элементов.

32. Беспристрастность

Есть другая интеллектуальная добродетель – отстраненность или беспристрастность. Я рекомендую следующее упражнение: если в предложении, выражающем политическое

мнение, встречаются слова, вызывающие сильные, но различные эмоции у разных читателей, попытайтесь заменить их символами А, В, С и так далее и забыть конкретный смысл символов. Предположим, что А является Англией, В – Германией, С – Россией. Пока вы помните, что обозначают эти буквы, большая часть того, во что вы верите, будет зависеть от того, кто вы – англичанин, немец или русский. Это логически неприемлемо.

33. Бессмертие

Не очень ясно, что именно должна сказать наука в отношении бессмертия. Конечно, есть одно направление аргументации в защиту жизни после смерти, которое является, во всяком случае по замыслу, полностью научным – я имею в виду направление аргументации, связанное с психическими исследованиями. Лично я не обладаю достаточным знанием предмета, чтобы оценить уже имеющиеся факты, но ясно, что возможны факты, которые убедили бы разумных людей. Необходимо, однако, сделать определенные оговорки. В первую очередь, надо иметь в виду, что факты в лучшем случае могут доказать, что мы живем после смерти, но никоим образом не то, что мы живем после смерти вечно.

Те, кто верит в бессмертие, будут возражать против физиологических аргументов, подобных тем, которые я использую, на том основании, что душа и тело в корне отличаются друг от друга, и что душа представляет собой нечто совершенно отличное от ее эмпирических проявлений в наших телесных органах. Я убежден, что все это – метафизический предрассудок. И разум, и материя являются удобными для определенных целей терминами, но не являются последними реальностями. Подобно душе, электрон и протон – логические фикции; и то и другое – на самом деле история, серия событий, а не единая устойчивая во времени сущность.

Бессмертие, если бы мы смогли в него поверить, позволило бы нам избавиться от мысли о безнадежности физического мира. Мы бы считали, что хотя наши души во время своего пребывания на земле находятся в плену материи и физических законов, они перейдут с земли в вечный мир, возвышающийся над империей разложения, которую, по-видимому, наука открывает в чувственном мире. Но в это невозможно поверить, не предполагая, что человеческое существо состоит из двух частей: души и тела, которые отделимы и могут существовать независимо друг от друга. К сожалению, все факты говорят против этого.

Если есть будущая жизнь и если небо является вознаграждением за нищету, существующую здесь, внизу, мы поступаем совершенно правильно, противясь любому улучшению земных условий, и мы должны восхищаться бескорыстием промышленных магнатов, которые позволяют другим монополизировать небольшое доходное мучение на земле. Однако если вера в потустороннее окажется ошибкой, значит мы отбросили существующее ради его тени и оказались так же несчастливы, как те, кто вкладывает все свои сбережения, накопленные за жизнь, в предприятия, которые становятся банкротами. [или МММами – А.Б.]

34. Бессмертие личное

Вопрос о личном бессмертии покоится на несколько иных основаниях. Здесь возможны доказательства. Люди являются частью каждодневного мира, которым занимается наука, и условия, определяющие их существование, познаваемы. Капля воды не является бессмертной: ее можно разложить на кислород и водород. Поэтому, если бы о капле воды

было сказано, что она имеет качество водянистости, которое будет жить после ее разложения, мы были бы склонны отнестись к этому скептически. Нам известно, что мозг также не бессмертен и что организованная энергия живого тела исчезает со смертью и, таким образом, становится непригодной к действию.

35. Создатель Милосердный

Большинство из нас воспитывалось в вере, что вселенная обязана своим существованием мудрейшему и всемогущему Создателю, чьи цели милосердны даже в том, что может нам показаться злом. Я не думаю, что было бы справедливо не подвергнуть это убеждение той проверке, которой мы подвергаем не столь глубокие и сокровенные убеждения. Существует ли хоть какое-то подтверждение существования такого Создателя? Несомненно, вера в Него утешает и иногда положительно воздействует в нравственном смысле на характер и поведение. Но это не является доказательством истинности веры. Я, со своей стороны, думаю, что вера утратила какую бы то ни было разумность с тех пор, когда стало ясно, что земля не является центром вселенной.

36. Созерцание

Привычка находить удовольствие не столько в действии, сколько в мысли предохраняет от глупости и излишней любви к власти; она помогает сохранить спокойствие в несчастье и мир в душе среди забот. Жизнь, ограниченная только личным, рано или поздно станет невыносимо болезненной; лишь окна в более широкий и не столь капризный космос могут облегчить наиболее трагические моменты жизни.

37. Созерцание и практика

Я думаю, что Плотин был прав, ратуя за созерцание вечных вещей, но он был неправ, думая, что этого достаточно для устройства достойной жизни. Созерцание, для того чтобы стать благотворным, должно сочетаться с практикой; оно должно вдохновлять действие и облагораживать цели практической государственной деятельности. Если же оно уединяется в монастыре, оно не более чем способ бегства.

38. Одиночество

Определенная степень изоляции как в пространстве, так и во времени существенна для создания независимости, необходимой для серьезной работы; должно быть нечто, обладающее для нас большей важностью, нежели восхищение толпы современников. Мы страдаем не от забвения теологических убеждений, а от утраты одиночества.

39. Сознание

Человек развился из животных, и между ним и амебой не существует серьезного разрыва. Нечто очень близкое знанию и желанию, в отношении их влияния на поведение, существует среди животных, причем даже там, где нелегко поверить в наличие «сознания». Нечто подобное существует и в нас самих в тех случаях, когда ни о каком «сознании» не может идти и речи. Поэтому естественно предположить, что независимо от того, какое определение «сознания» признать правильным, «сознание» не составляет сущности жизни или разума.

Если это верно, то когда стол находится в нашем сознании – как говорит здравый смысл – происходит приблизительно следующее. Во-первых, имеется некий физический процесс, внешний по отношению к нашему телу, который служит раздражителем для глаза, что редко, но все же иногда случается и при отсутствии действительного физического стола. Далее происходит процесс в глазу, нервах и в мозгу, в результате чего получается цветное изображение. Это цветное изображение по закону ассоциации возбуждает осязательные и другие ожидания и образы, а возможно, также воспоминания и другие привычки. Однако весь этот ряд состоит из непрерывной каузальной цепи в пространстве и времени, и у нас нет никакого основания утверждать, что события внутри нас так уж сильно отличаются от событий вне нас: должно быть, относительно этого нам придется остаться в неведении, поскольку все, что мы знаем о внешних событиях – это только их абстрактные математические характеристики, исходя из которых нельзя заключить, подобны ли они «мыслям» или нет.

40. Разум

Исходя из привычки, можно воссоздать особенности того, что мы называем «разумом»; разум – это след совокупностей сопричастующих событий в некоторой области пространства-времени, где есть материя, особенно склонная к формированию привычек. Чем больше склонность, тем более сложным и организованным становится разум. Таким образом, разум и мозг в действительности не различаются, но когда мы говорим о разуме, мы думаем главным образом о совокупности событий, сопричастующих в рассматриваемой области, и об их отдельно взятых отношениях к другим событиям, составляющим части других периодов истории рассматриваемого нами пространственно-временного туннеля. В то же время, говоря о мозге, мы берем совокупность сопричастующих событий как целое и рассматриваем его внешние отношения к другим совокупностям сопричастующих событий, также взятых как целое; одним словом, мы рассматриваем форму туннеля, а не события, из которых составлен каждый его срез.

Таким образом, «разум» и «ментальное» – всего лишь приблизительные понятия, дающие удобное сокращение для некоторых приблизительно верных законов. В законченной науке слова «разум» и «материя» должны исчезнуть и быть заменены на каузальные законы, связывающие «события».

Единственными событиями, известными нам иначе, чем через их математические и каузальные свойства, являются перцепты – события, расположенные в той же области, что и мозг, и обладающие последствиями особого рода, которые называются «реакциями знания».

Что есть разум? Очевидно, разум должен быть прежде всего группой ментальных событий, поскольку мы отказались от точки зрения, согласно которой разум является единичной простой сущностью, такой же, какой прежде считалось эго.

41. Жизнь разума

Жизнь разума – это жизнь в стремлении к знанию, от чисто детского любопытства до величайших усилий мысли.

Любопытство присуще и животным, служа очевидной биологической цели; но только у людей оно идет дальше исследования отдельных предметов, которые могут быть съедобными или ядовитыми, дружелюбными или враждебными.

Любопытство – это тот первичный импульс, из которого выросла вся система научного знания.

42. Разум непредубежденный

Совершенно непредубежденный разум – либо болезнь, либо притворство; совершенно предубежденный разум – это бесполезное собрание неоправданных предубеждений.

43. Защита непредубежденного разума

Но человечество столь склонно к предвзятым мнениям, партийным предубеждениям, коллективной истерии и бездумному принятию пропаганды, что почти везде и почти всюду слишком мало, а не слишком много непредубежденного разума. Таким образом, в то время как истина заставляет меня признать теоретическую ограниченность непредубежденного разума, на практике я почти всегда нахожу благоразумным выступать в его защиту, поскольку самая большая защита едва ли даст достаточно непредубежденности, и поскольку ее отсутствие – это одна из главных причин тех ужасающих опасностей, которыми в нашу эпоху окружен человеческий род.

44. Употребление непредубежденного разума

Предпочтительный образ действия, как для отдельного человека, так и для нации, состоит в том, чтобы вначале тщательно и совершенно непредубежденно подумать, и затем, придя к решению, не пересматривать его, пока некоторое очень важное новое обстоятельство не изменит ситуацию.

45. Наука

Внезапные изменения, произошедшие под влиянием науки, нарушили равновесие между

нашими инстинктами и обстоятельствами нашей жизни, однако недостаточно было сказано о направлении этих изменений. Переедание не является серьезной опасностью, в отличие от чрезмерной борьбы. Если мы хотим добиться успеха индустриализма, человеческие инстинкты власти и соперничества, подобно волчьему аппетиту собаки, должны искусственно сдерживаться.

Наука способна, если она захочет, помочь нашим внукам прожить достойную жизнь, давая им знание, самоконтроль и воспитывая людей, склонных скорее к гармонии, чем к борьбе. Пока что она учит наших детей убивать друг друга, потому что многие люди науки готовы принести будущее человечества в жертву своему сиюминутному обогащению. Однако этот этап завершится, как только человек приобретет такую же власть над своими страстями, какой он уже обладает над физическими силами внешнего мира. И тогда, наконец, мы добьемся своей свободы. [но обретение власти над страстями – разве сфера науки? – А.Б.]

Разнообразные формы безумия – коммунизм, нацизм, японский империализм – являются естественным результатом воздействия науки на нации с сильной донаучной культурой. Для Азии последствия только начинаются. [как не вспомнить нынешнее, 1999х годов, Азиатское производство! – А.Б. – так где же была выше духовность: в Азии или у нас?] Для коренных народов Африки они еще впереди. Поэтому мир едва ли образумится в ближайшем будущем.

Наука, о чем свидетельствует само это слово – прежде всего знание. Принято считать, что это знание особого рода, а именно, знание, которое стремится найти общие законы, связывающие множество отдельных фактов.

Постепенно, однако, взгляд на науку как знание оттесняется на задний план взглядом на нее как на силу, управляющую природой. Именно потому, что наука дает нам власть над природой, она имеет большую социальную значимость, чем искусство. Наука как поиск истины равноправна с искусством, но не выше его. Наука как метод, хотя может и не иметь особой самостоятельной ценности, обладает практическим значением, недостижимым для искусства.

Человек науки (я не имею здесь в виду каждого, так как многие люди науки не являются учеными – я говорю о человеке науки, каким он должен быть) – это человек внимательный, осторожный, последовательный. Он опирается только на опыт в своих выводах и не готов к всеохватывающим обобщениям. Он не примет теорию лишь потому, что она изящна, симметрична и обладает синтетическим характером; он исследует ее в деталях и в приложениях [к реальности].

Иногда люди говорят о прогрессе науки как о том, что безусловно должно стать благодеянием для человечества, однако, я опасаюсь, что это всего лишь одно из удобных заблуждений девятнадцатого века, которое предстоит развеять нашей более реалистической эпохе. Наука позволяет власти предрержащим осуществлять свои цели более полно, чем они могли бы сделать это без нее.

Из того, что было сказано о субстанции, я сделал вывод, что наука скорее имеет дело с группами «событий», чем с «вещами», отличающимися изменением «состояний». Это также естественным образом следует из замены пространства и времени пространством-временем. Старое понятие субстанции достаточно успешно применялось в течение столь длительного времени, что мы смогли убедить себя в существовании единого космического времени и единого космического пространства; однако это понятие уже не подходит, если мы принимаем четырехмерную пространственно-временную структуру.

Помимо возврата к донаучному обществу (который может произойти только в результате процесса, ведущего к массовому голоду и устрашающей нищете), единственное лекарство

против отклонения науки в направлении деструктивных методов состоит в создании единого сверхгосударства, достаточно сильного для того, чтобы сделать невозможными серьезные войны. Однако, это проблема политиков, а не ученых.

46. Дух науки

Научный склад разума не является ни скептическим, ни догматическим. Скептик утверждает, что истина недостижима, в то время как догматик доказывает, что истина уже открыта. Человек науки считает, что истина достижима, но не открыта, во всяком случае, в той области, которую он исследует. Но даже сказать, что истина достижима – означает сказать гораздо больше, чем думает подлинный ученый, поскольку он не рассматривает свои открытия как окончательные и абсолютные.

Отсутствие завершенности составляет сущность научного духа.

47. Работа

Привычка рассматривать жизнь как целое является существенной частью как мудрости, так и подлинной нравственности, и представляет собой одну из тех вещей, которые следует поощрять в процессе образования.

Постоянной цели недостаточно для того, чтобы сделать жизнь счастливой, однако она является почти неотъемлемым условием счастливой жизни. А постоянная цель воплощается главным образом в работе.

48. Философия

Моя цель – представить философию как неотъемлемую часть общественной и политической жизни; не оторванные от жизни спекуляции замечательных людей, но следствие и причину характера того общества, где процветает та или иная философская система.

Философия в том смысле, как я понимаю это слово, является чем-то средним между теологией и наукой.

Подобно теологии, она требует размышлений о предметах, в отношении которых определенное знание было до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому рассудку, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Я сказал бы, что все определенное знание относится к науке; все догмы о том, что выходит за пределы точного знания, относятся к теологии. Но между теологией и наукой есть нейтральная территория, открытая для атак с обеих сторон. Эта нейтральная территория и есть философия.

Философия, в отличие от науки, исходит из некоторой самонадеянности, связанной с представлением о том, что наши цели имеют существенное отношение к цели универсума и что в конечном счете ход событий должен быть таким, как мы желаем. Наука отвергла эту

форму оптимизма, но склоняется к другой его форме, утверждая, что мы можем силой нашего интеллекта сделать мир соответствующим значительной части наших желаний. Это – практический оптимизм, в противоположность метафизическому. Я надеюсь, что будущим поколениям он не покажется столь же глупым, как оптимизм доктора Панглоса [Вольтер, «Кандид» – «все к лучшему в этом самом лучшем из всех возможных миров»].

Философия должна быть всеобъемлющей; она должна выдвигать такие гипотезы об универсуме, которые наука еще не в состоянии подтвердить или опровергнуть. Но их всегда следует представлять как гипотезы, а не как непреложные истины наподобие религиозных догм. (К сожалению, так делают слишком часто) Более того, хотя создание всеобъемлющих систем – это часть философской работы, я не думаю, что это самая важная ее часть. По моему мнению, наиболее важная часть этой работы состоит в критике и прояснении понятий, которые считаются фундаментальными и принимаются некритически. [“очевидное” – А.Б.]

Ценность философии, на самом деле во многом связана с самой ее неточностью. Человек, лишенный вкуса к философии, живет в плену предубеждений, подсказанных здравым смыслом, представлениями своего века или своей нации, взглядами, не проверенными зрелым рассудком.

Такому человеку мир кажется определенным, конечным и ясным; обычные предметы не вызывают никаких вопросов, и неизвестные возможности с презрением отвергаются. Как только мы начинаем философствовать, наоборот, даже самые обычные вещи приводят к вопросам, на которые можно дать лишь очень неполный ответ.

49. Дух философии

Человек, вдохновленный духом философии, является ли он профессиональным философом или нет, сделает все возможное, чтобы его убеждения были истинными, и будет в равной мере стремиться к знанию и избегать заблуждений. Этот принцип шире, чем может показаться на первый взгляд. [теологи скажут «дух философии – это один из падших ангелов» (кн.Еноха)]

50. Цели философии

С самого начала философия имела две разные цели, которые считались тесно связанными между собой. С одной стороны, философия стремилась к теоретическому осмыслению структуры мира; с другой – она пыталась найти и поведать лучший из возможных образов жизни.

51. Родительское счастье

Что касается меня лично, я пришел к выводу, что родительское счастье значительнее любого другого, которое мне пришлось испытать. Я убежден, что, когда обстоятельства заставляют людей отказаться от этого счастья, очень глубокая потребность остается нереализованной, и это порождает неудовлетворенность и апатию, причина которой может оставаться

совершенно неизвестной. Чтобы быть счастливым в этом мире, особенно когда молодость прошла, необходимо чувствовать себя не только изолированным индивидуумом, чьи дни скоро будут сочтены, но частью потока жизни, текущего от первой бактерии к отдаленному и неизвестному будущему.

52. Счастье

Чтобы счастье было действительно глубоким и прочным, нужно, чтобы жизнь была построена вокруг определенной цели, требующей постоянной деятельности и допускающей постепенно возрастающий успех. Цель должна быть укорененной в инстинкте, таком, как любовь к власти, или стремление к хорошей репутации, или родительская привязанность.

Глубокое счастье больше, чем что-либо другое, зависит от того, что можно назвать дружеской заинтересованностью в людях и вещах.

Секрет счастья прост: сделай свои интересы настолько широкими, насколько это возможно, и сделай свое отношение к вещам и людям, которые тебя интересуют, насколько это возможно, дружеским, а не враждебным.

53. Наибольшее счастье

«Принцип наибольшего счастья» был самой известной формулой школы Бентама. Согласно этому принципу, поступки хороши, когда они обеспечивают наибольшее счастье наибольшего числа людей, и плохи, когда не делают этого.

54. Смерть, отношение к смерти

Должно быть, во все времена человек чувствовал, что существует нечто действительно важное, ради чего он живет, и что его смерть или смерть его жены или ребенка не означает конец всего, что вызывает его интерес в этом мире. Для того, чтобы это отношение было подлинным и глубоким во взрослой жизни, нужно зажечь огонь благородного энтузиазма в юноше, огонь, вокруг которого он построит свою жизнь и свое дело.

55. Событие

Единственный способ достичь ясности – это начать сначала, опираясь на события вместо тел. В физике «событие», согласно старым представлениям – это нечто имеющее время и место. Взрыв, вспышка света, испускание световой волны атомом и получение световой волны каким-то другим телом – все это события. Некоторые ряды событий составляют то, что мы считаем историей одного тела; некоторые составляют путь одной световой волны итд. Единство тела – это единство истории; оно – как единство мелодии, которая требует времени

для игры и не существует полностью ни в какой момент. В каждый момент существует только то, что мы называем «событием».

56. Событие физическое и ментальное

Давайте вначале определим более точно, что мы понимаем под «физическим» событием. Я бы определил его как событие, о котором можно знать только путем умозаключения и которое не известно как ментальное. И я определяю «ментальное» событие (повторю еще раз) как событие, с которым некто непосредственно знаком иначе, чем путем умозаключения. Таким образом, «физическое» событие – это такое событие, о котором либо совершенно ничего не знают, либо, если знают, то не иначе, чем путем умозаключения – или, вероятно, мы должны сказать: не известно, чтобы о нем кто-либо знал иначе, чем путем умозаключения.

57. События

Мы обнаружим, если не ошибаюсь, что физические объекты, которые математически примитивны, такие, как электроны, протоны и точки пространства-времени, представляют собой логически сложные структуры, состоящие из сущностей, метафизически более примитивных. Эти сущности можно условно назвать «событиями».

И то, что мы можем прежде всего вывести из результатов перцепции, предполагая справедливость физики – это опять группы событий, а не субстанции. Считать группу событий состояниями «вещи», «субстанции» или «фрагмента материи» – это всего лишь лингвистическая условность.

Это умозаключение было проведено вначале на основании логики, которую философы унаследовали от здравого смысла. Определяя «вещь» как совокупность того, что раньше было ее «состояниями», мы ничего не изменяем по части физики, и избегаем умозаключения столь же сомнительного, сколь и бесполезного. [И вообще: нет вещей и материи, есть лишь процессы – А.Б.]

58. Законы физические

Законы, запечатленные в дифференциальных уравнениях, вероятно могут быть точными, но мы не можем об этом знать. Все, что мы можем знать эмпирически, является приблизительным и подвержено исключениям; про точные законы, которые приняты в физике, известно, что они находятся где-то вблизи истины, но мы не считаем их истинными буквально. Законы, которые мы действительно знаем эмпирически, имеют форму традиционных каузальных законов [причинно-следственных связей? – А.Б.], однако они не рассматриваются как универсальные или необходимые.

59. Психология и физика

Итак, если физика – эмпирическая наука, утверждения которой подтверждаются или опровергаются наблюдением, то в физику следует включить законы, соединяющие стимул и реакцию. Сейчас такие законы относятся к психологии.

Таким образом, к области эмпирически верифицируемого относится не одна чистая физика, но физика плюс часть психологии. Соответственно, психология является существенной составляющей любой эмпирической науки.

60. Религия

Слово «религия» имеет много значений и длинную историю.

Первоначально оно было связано с определенными обрядами, унаследованными из далекого прошлого, которые когда-то выполняли с некоторой, давно уже забытой, целью. Время от времени они соединялись с разными мифами, призванными объяснить их предполагаемое значение. Многие из них сохраняются до сих пор.

Под религией я понимаю совокупность убеждений, принятых в качестве догм, которые существенно влияют на жизнь и выходят за пределы очевидного или противоречат ему, и внушаются эмоциональными или авторитарными, но не интеллектуальными методами. Согласно этому определению, большевизм является религией; я попытаюсь доказать, что его догмы выходят за пределы или противоречат очевидному. Те, кто принимает большевизм, становятся глухи к доводам науки и совершают интеллектуальное самоубийство. Даже если бы все доктрины большевизма оказались справедливыми, это все равно было бы так, поскольку никакое непредубежденное их исследование не допускается. Тот, кто, подобно мне, верит, что свободный интеллект – главный двигатель человеческого прогресса, не может не быть принципиальным противником большевизма, как и Римской церкви.

61. Религия и эволюция

В наши дни религия приспособилась к теории эволюции и даже извлекла из нее новые доводы. Нам было сказано, что «сквозь века простирается единый крепнущий замысел» и что эволюция – это развертывание идеи, с самого начала имевшейся в Божественном разуме. Оказалось, что во времена, столь занимавшие Хью Миллера, когда животные терзали друг друга с помощью свирепых рогов и смертельных укусов, Всеведающий спокойно ожидал появления человека с его еще более изощренными способами пытки и с его еще более разнообразной жестокостью. Почему Создатель предпочел постепенное достижение своей цели прямому пути к ней, современные теологи нам не сообщают.

62. Психология религии

Таким образом, очевидно, что человеческие импульсы, воплощенные в религии – это страх, тщеславие и ненависть. Целью религии, можно сказать, является придание этим страстям

респектабельности путем направления их по определенным каналам. Поскольку эти страсти в основном делают людей несчастными, религия является силой зла, так как позволяет людям безудержно предаваться своим страстям, в то время как без ее санкции они могли бы, по крайней мере в определенной степени, контролировать эти страсти. [Это больше посвящено «официальной религии», политическому приложению оной – А.Б.]

63. Сущность религии

Неожиданная красота в пылу ссоры, непредвиденная любовь, ночной ветерок в деревьях – все это ясно подсказывает возможность жизни, свободной от конфликтов и мелочности нашего повседневного мира; жизни, где царит мир, которого не может нарушить никакое несчастье. То, что обладает этим качеством бесконечности, повидимому, дает нам более глубокое понимание, чем разрозненное знание нашей обычной жизни.

Мы чувствуем, что жизнь, в которой преобладает такое понимание, может стать свободной от борьбы и обрести гармонию с целым за пределами тюремных стен, выстроенных инстинктивными желаниями конечной самости.

64. Элементы религии

Три элемента религии, а именно: поклонение, смирение и любовь – связаны между собой самым тесным образом; каждый из них приводит к остальным, и все три образуют единство, в котором невозможно выделить первое или последнее. Все три элемента могут существовать вне догмы, в форме, способной пронизывать всю жизнь и придавать бесконечность действию, мысли и чувству; жизнь в бесконечности, которая является сочетанием этих трех элементов, содержит все существенное для религии, несмотря на отсутствие догматических верований.

65. Организованная религия

Подавляющее большинство религиозных деятелей поддерживает войну, где бы она ни происходила, хотя в мирное время они часто являются пацифистами; поддерживая войну, они выражают при этом свое страстное убеждение в том, что Бог – на их стороне, и обеспечивают религиозную поддержку преследованиям людей, которые считают всеобщую бойню неразумной.

Когда существовало рабство, в поддержку его были найдены религиозные аргументы; в наши дни подобные аргументы находятся в поддержку капиталистической эксплуатации. Почти все традиционные жестокости и несправедливости получали поддержку организованной религии до тех пор, пока моральное чувство светского сообщества не вынуждало ее к смене фасада.

66. Ощущение

Мы будем называть «ощущением» опыт непосредственного осознания вещей. Так, когда мы видим цвет, у нас возникает ощущение от этого цвета, однако сам по себе цвет – не ощущение, а факт ощущения.

И, наконец, отнюдь не очевидно, что особые каузальные законы, управляющие ментальными событиями, на самом деле не являются физиологическими. Закон привычки, один из наиболее характерных, может быть полностью объяснен в терминах особенностей нервной ткани, и эти особенности, в свою очередь, могут быть объяснены физическими законами. Таким образом, по-видимому, мы приходим к другому типу определения. Именно поэтому было необходимо усовершенствовать определение восприятия. Имея это определение, мы можем определить ощущение как вне-мнемическую основу восприятия.

Я думаю, что ощущения (включая образы) составляют все «сырье» разума, и что все остальное может быть разложено на группы ощущений, связанных различным образом, и на свойства ощущений или групп ощущений.

Ощущения являются тем, что объединяет ментальный и физический миры; они могут быть определены как пересечение разума и материи.

67. Факты ощущений

Если наша точка зрения верна, факты ощущений принадлежат к тем первичным составляющим физического мира, которые нам случается непосредственно осознавать; сами по себе они имеют чисто физическую природу, и ментально лишь наше осознание их, которое не связано с их природой и с их местом в физике.

Давайте назовем «фактами ощущений» то, что непосредственно известно нам из ощущений, например: цвета, звуки, запахи, твердость, шероховатость, и так далее.

68. Память

Подлинная память, которую мы должны сейчас попытаться понять, заключается в знании о прошедших событиях, однако не во всяком таком знании. Немалая часть знания о прошедших событиях, например то, что мы узнаем, читая историю, находится в одинаковом положении со знанием, которое мы можем получить о будущем: оно приобретает посредством умозаключений, а не самопроизвольно, если можно так сказать.

Первый выход за пределы фактов ощущений, который необходимо рассмотреть – это непосредственное знакомство через память. Очевидно, что мы часто помним увиденное, услышанное или иным способом присутствовавшее в наших ощущениях, и что в этих случаях мы все-таки непосредственно осознаем то, что помним, несмотря на то обстоятельство, что оно производит впечатление прошлого, а не настоящего.

69. Память как знание

Вид памяти, о котором я сейчас говорю – это определенное знание о некотором прошлом событии из собственного опыта. Время от времени мы вспоминаем вещи, которые произошли с нами, потому что нечто в настоящем напоминает нам о них. В точности такое же присутствующее обстоятельство не вызвало бы воспоминания, если бы наш прошлый опыт был иным. Таким образом, наши воспоминания вызваны: 1) присутствующим стимулом; 2) прошлым событием.

70. Восприятие (perception)

Когда ментальное явление можно считать проявлением некоторого внешнего по отношению к мозгу объекта, каким бы нестандартным он ни был, или даже смешанным проявлением нескольких таких объектов, тогда стимулом этого явления можно считать тот объект или объекты, о которых идет речь, или же воздействие этих объектов на один из органов чувств. С другой стороны, когда ментальное явление не настолько связано с внешними по отношению к мозгу объектами, чтобы можно было считать его проявлением этих объектов, тогда физическую причину этого явления (если таковая имеется) следует искать в мозгу. В первом случае ментальное явление можно назвать восприятием; во втором – нельзя. Но это сравнительное, а не принципиальное отличие. Без понимания этого обстоятельства невозможна никакая удовлетворительная теория восприятия, ощущения или воображения.

71. Идеи

От памяти нам легко перейти к тому, что называется «идеями» – не в смысле Платона, а в смысле Локка, Беркли и Юма, противопоставляющих их «впечатлениям».

Вы можете осознавать присутствие друга, либо видя его, либо «думая» о нем; посредством «мысли» вы можете осознать объект, который нельзя увидеть, например, человеческую расу или психологию. «Мысль» в более узком смысле является формой сознания, которая состоит из «идей» как чего-то отличного от «впечатлений» или просто воспоминаний.

72. Мистика

Я уверен, что когда мистики противопоставляют «реальность» и «видимость», слово «реальность» имеет не логическое, а эмоциональное значение: оно обозначает то, что в некотором смысле важно. Когда говорят, что время «нереально», обычно имеют в виду, что в некотором смысле и в некоторых случаях важно представлять себе универсум как целое, подобно тому как Творец, если бы Он существовал, должен был бы представлять его, когда решил его создать. При таком понимании весь ход развития оказывается внутри единого завершенного целого: прошлое, настоящее и будущее существуют в некотором смысле вместе, и настоящее не обладает той исключительной реальностью, которую оно имеет при нашем обычном способе понимания мира. Если принять такую интерпретацию, мистика выражает эмоцию, а не факт; она ничего не утверждает и, следовательно, не может быть ни подтверждена, ни опровергнута наукой. То обстоятельство, что мистики все-таки выдвигают суждения, объясняется их неспособностью отделить эмоциональную значимость от научной

обоснованности. Не следует, конечно, ожидать, что мистики примут эту точку зрения, но, насколько я могу судить, только она, допуская в некоторой степени их правоту, вместе с тем приемлема для научного ума.

После того, как Сократ объяснил, что существует идея блага, но не существует идеи волос, слякоти или грязи, Парменид советует ему «не презирать даже самые жалкие вещи», и этот совет свидетельствует о подлинно научном складе ума. Именно с этим беспристрастным складом ума должна сочетаться способность проникновения в высшую реальность и скрытое благо, чтобы философия могла реализовать свои наиболее глубокие возможности. И именно отсутствие такого сочетания сделало большую часть идеалистической философии слабой, мелкой и безжизненной. Наши идеалы могут быть плодотворными только в тесном единстве с миром; в разрыве с миром они пусты. Но единство с миром недостижимо для идеала, который боится фактов или заранее требует, чтобы мир ему соответствовал.

О реальности или нереальности мира мистиков я не знаю ничего. У меня нет желания ни отрицать его, ни даже заявлять, что озарение, обнаруживающее его, не является подлинным озарением. Все, что я хочу утверждать – и здесь научная установка становится императивом – это то, что озарение без проверки и без опоры является недостаточной гарантией истины, несмотря на тот факт, что многие из наиболее важных истин были вначале подсказаны им. [В самом деле – лишь совпадающее до мелочей групповое озарение можно считать восприятием, а не чистой галлюцинацией мозга. Это про «истины», данные откровением. Если же открыт некий физический закон – то он может быть экспериментально проверен; до тех пор это «догадка». А.Б.]

73. Мистика и наука

Однако я убежден, что, при известной сдержанности, есть доля мудрости, которой можно научиться у мистического сознания и которая едва ли достижима каким-либо иным путем. Если это верно, то мистицизм можно рекомендовать как жизненную установку, но не как кредо по отношению к миру. Я буду отстаивать мнение, что это метафизическое кредо является ошибочным следствием эмоции, хотя сама эмоция, окрашивая и наполняя все другие мысли и чувства, является вдохновителем всего самого лучшего в человеке. Даже осторожное и терпеливое исследование истины наукой, которое кажется полной противоположностью поспешной уверенности мистиков, может быть воспитано и вскормлено тем же духом почитания, в котором мистика живет и действует.

74. Грех

Все, что я хочу сделать – это заставить людей осознать, что именно человеческие желания, человеческие убеждения и человеческие грехи могут привести мир к катастрофе.

Представление о грехе, связанное с христианской этикой, приносит необыкновенный вред, поскольку оно дает выход своему садизму, который они считают закономерным и даже благородным. [это, видимо, про инквизицию?]

Более того, те, кто придерживается научной точки зрения на человеческое поведение, считают невозможным приклеивать ярлык «греха» к какому бы то ни было действию; по их мнению, совершаемое нами имеет свои истоки в нашей наследственности, в нашем

воспитании и в нашем окружении, и именно благодаря контролю над этими причинами, а не благодаря обличению, пагубное поведение может быть предотвращено.

75. Убеждение

«Убеждение» в смысле, в котором я хочу употреблять это слово, означает такое состояние разума, или тела, или того и другого, когда животное действует по отношению к чему-то не присутствующему чувственно. Когда я направляюсь на станцию, ожидая найти там поезд, мое действие выражает убеждение.

Поэтому я предлагаю рассматривать убеждение как нечто такое, что может быть доинтеллектуальным и может проявляться в поведении животных. Я склонен думать, что в некоторых случаях «убеждением» можно назвать чисто телесное состояние. Например, когда вы входите в вашу комнату в темноте и кто-то оставил стул в необычном месте, вы можете натолкнуться на него, так как ваше тело убеждено, что стула там нет. Но для наших целей не так важно различать роль разума и тела в убеждении.

Убеждение – в моем понимании этого термина – это некое состояние тела, или разума, или того и другого. Для того, чтобы избежать многословия, я буду называть убеждение состоянием организма, оставляя в стороне различие между телесными и ментальными факторами.

Однако вера в какое-либо мнение, как не устают повторять нам современные психологи, редко определяется рациональными мотивами, и то же самое справедливо и в отношении неверия, хотя скептики часто упускают из виду этот факт.

Факт широкой распространенности какого-либо мнения никоим образом не свидетельствует об его полной абсурдности; правда, если принять во внимание глупость большей части человечества, гораздо вероятнее, что широко распространенное убеждение окажется нелепым, чем разумным.

Мы можем закончить наш предварительный список понятием «убеждения». Я имею в виду такое состояние сознания, которое может быть либо истинным, либо ложным. Мы говорим, что человек «сознает, что выглядит дураком», имея в виду, что он убежден, что выглядит дураком и при этом не ошибается.

Но есть еще один момент, который необходимо подчеркнуть. Убеждение в том, что нечто является желательным, часто обнаруживает тенденцию вызывать то самое желание, в которое верят. Именно этот факт так усложняет воздействие «сознания» на желание.

76. Скромность

Скромность рассматривается как добродетель, но что касается меня, то я очень сомневаюсь, что она в своих крайних формах заслуживает такой оценки. Скромные люди нуждаются в значительном ободрении и часто не смеют браться за дела, которые им вполне под силу. Скромные люди считают, что их затмили те, с кем они обычно связаны. Таким образом, они особенно склонны к зависти, а благодаря зависти – к несчастью и недоброжелательности. Что касается меня, я думаю, что больше следует говорить о воспитании в мальчишке отношения к себе как к прекрасному парню.

77. Тщеславие

Тщеславие, когда оно чрезмерно, в своих интересах лишает человека удовольствия от всякой деятельности.

Таким образом, тщеславие неизбежно приводит к безразличию и скуке. Его источником часто является неуверенность в себе, а средством избавления от него – рост самоуважения. Однако этого последнего можно достичь лишь путем успешной деятельности, вдохновленной объективными интересами.

78. Гармония в жизни

Чтобы человеческая жизнь приносила удовлетворение, то ли с точки зрения самого человека, то ли с точки зрения мира в целом, она требует двух видов гармонии: внутренней гармонии интеллекта, эмоций и воли; и внешней гармонии с волей других. И в том, и в другом отношении существующее образование несовершенно.

79. Ненасилие

Учение о ненасилии, которое широко практикуется в Индии, может быть обосновано не только с религиозных позиций. В определенных обстоятельствах это лучшая практическая политика. Такие обстоятельства возникают, когда одна сторона не вооружена, но полна решимости, в то время как противоборствующая сторона вооружена и полна колебаний. Убийство людей, которые не сопротивляются – отвратительное дело, и порядочный человек скорее пойдет на уступки, чем будет упорствовать в убийстве. Однако, если враг решителен и жесток, этот метод не приносит успеха. Церковь безжалостно преследовала еретиков и евреев даже в том случае, когда они и не пытались оказать вооруженное сопротивление. Если бы японцы завоевали Индию, они быстро покончили бы с любым движением неповиновения из последователей Ганди. Таким образом, абсолютный пацифизм как метод достижения какой-то цели имеет весьма ограниченное применение.

80. Неповиновение

Я не хочу, чтобы во мне увидели защитника неповиновения. Неповиновение само по себе ничуть не лучше, чем безропотное подчинение, поскольку они в равной степени определены отношением к чему-то внешнему, а не чисто личным ценностным суждением.

Должно ли повиновение быть удостоено похвалы или осуждено, зависит от того, против чего восстает человек, но возможность протеста необходима.

Недостаточно одного лишь слепого повиновения, сформированного жестким воспитанием.

Что, пожалуй, важнее и протеста и повиновения – это способность идти совершенно новым путем, как это сделал Пифагор, когда он изобрел геометрию.

Без неповиновения человечество постигнет застой, и несправедливость станет непоправимой. Следовательно, человек, отказывающийся повиноваться властям, при определенных обстоятельствах играет правомерную роль, при условии, что его непослушание имеет социальные, а не личные мотивы. Однако здесь речь идет о вещах, сама природа которых исключает установление каких-либо правил.

81. Непредубежденность

Однако, поскольку наша интеллектуальная жизнь – всего лишь часть нашей деятельности и поскольку любознательность постоянно вступает в конфликт с другими увлечениями, возникает необходимость в определенных интеллектуальных добродетелях, одна из которых – непредубежденность. Мы можем остаться глухи к новой истине как в силу привычки, так и благодаря желанию: нам сложно разувериться в том, во что мы настойчиво верили многие годы, а также в том, что служит основой для нашего самолюбия или другого важного чувства. Непредубежденность должна, соответственно, быть одним из качеств, формирование которых является целью образования.

82. Материя

Материальный предмет, как это известно эмпирически, является не единичной существующей вещью, а системой существующих вещей. Когда несколько человек одновременно видят один и тот же стол, все они видят его по-разному; таким образом, «этот» стол, который, как предполагается, все они видят, должен быть либо гипотезой, либо конструкцией. «Этот» стол нейтрален по отношению ко всем наблюдателям: он не отдает предпочтения точке зрения одного человека за счет точки зрения другого.

Для философов главное в современной теории – это исчезновение материи как «вещи». Оно было замещено эманациями локальности – явлениями, характерными для населенных призраками комнат в рассказах о привидениях.

Как мы увидим в следующей главе, теория относительности, используя другую аргументацию, ведет к аналогичному разрушению твердости материи. Все виды событий, происходящих в физическом мире, Солнце и Луна, даже наш ежедневный хлеб, становятся бледной абстракцией, не более чем законами, которые проявляются в определенных рядах событий, распространяющихся из определенных областей.

Слово «материя» в философии является обозначением проблемы. Допуская, что через восприятие мы убеждаемся в существовании чего-то отличного от нас самих (допущение, которое, как мы видели в предыдущей главе, Лейбниц сделал на совершенно неадекватном основании), неизбежно возникает вопрос: какова природа этого внешнего по отношению к нам? В той мере, в какой оно оказывается существующим в пространстве, мы называем его материей.

Вместо того, чтобы допускать, как мы это обычно делаем, когда исходим из не критического принятия очевидных утверждений физики, что материя – это именно то, что «на самом деле

реально» в физическом мире, и что объекты непосредственного ощущения – только иллюзии, мы должны рассматривать материю как логическую конструкцию, составными частями которой будут именно такие эфемерные предметы, которые могут, когда наблюдатель оказывается присутствующим, стать фактами ощущений этого наблюдателя. То, что физики рассматривают как Солнце восьмиминутной давности, будет целой группой отдельных предметов, существующих в различные моменты времени, распространяющихся из некоторого центра со скоростью света и включающих в свое число все те визуальные данные, которые видят люди, если они сейчас смотрят на Солнце. Таким образом, Солнце восьмиминутной давности – это некоторый класс предметов, и то, что я вижу, смотря сейчас на Солнце, – это один элемент этого класса.

Сейчас едва ли не все физики преуспели в сведении материи к двум различным видам элементов, один из которых (протон, или водород атомного ядра) несет положительный заряд, а другой (электрон) несет отрицательный электрический заряд.

Вкратце, опуская детали и уточнения, моя точка зрения такова: фрагмент материи является системой событий; чтобы фрагмент материи был как можно меньше, эти события должны все частично совпадать, или быть «соприсутствующими». Каждое событие занимает конечную область пространства-времени, то есть пересекается с событиями, которые не пересекаются друг с другом.

Определенные совокупности событий являются «точками», или, возможно, минимальными объемами, так как существование совокупности событий, порождающих точки, сомнительно. Каузальные законы предоставляют возможность упорядочить точки (или минимальные объемы) в четырехмерном пространстве. Таким образом, если известны каузальные отношения некоторого события, его положение в пространстве-времени следует тавтологически.

Согласно старому взгляду, фрагмент материи был чем-то таким, что полностью сохраняется во времени, и вместе с тем никогда не присутствует более чем в одном месте в данное время. Такой взгляд на вещи, очевидно, связан с полным разъединением пространства и времени, в котором люди были уверены прежде. Когда мы подставляем пространство-время вместо пространства и времени, мы, естественно, ожидаем, что физический мир будет получаться из составляющих, которые ограничены во времени так же, как и в пространстве. Эти составляющие представляют собой то, что мы называем «событиями».

«Событие» не сохраняется и движется не так, как традиционные фрагменты материи; оно существует только на протяжении своего небольшого времени, а затем прекращается. Фрагмент материи, таким образом, будет сведен к последовательности событий.

Совокупность всех физических объектов называется «материей».

83. Сократ

Платоновский Сократ все время утверждает, что он ничего не знает, и он мудрее других именно благодаря своему знанию, что он ничего не знает; однако он не думает, что знание недостижимо. Напротив, он считает, что стремление к познанию имеет первостепенное значение. Он утверждает, что никто не грешит намеренно и что, следовательно, для того, чтобы сделать людей совершенно добродетельными, необходимо лишь знание.

84. Солипсизм

Таким образом, я ограничиваюсь тем, что называется «солипсизмом», то есть теорией о том, что существую только я один. Эту точку зрения трудно опровергнуть, однако еще труднее в нее поверить. Однажды я получил письмо от одного философа, который заявлял, что он солипсист, но удивлялся, что нет других солипсистов.

Однако этот философ относил себя к тем, кто считает, что существует лишь он один. Это показывает, что на самом деле в солипсизм не верят даже те, кто считает себя убежденным в его истинности.

Таким образом, если мы не можем быть уверены в независимом существовании объектов, мы останемся одни в пустыне. Может оказаться, что весь внешний мир – не более чем сон, и существуем мы одни. Это – не самая приятная возможность; но хотя не может быть строго доказано, что она ложна, нет никаких оснований предполагать, что она истинна.

Можно провести различие между двумя видами солипсизма, которые я буду называть «догматическим» и «скептическим». Догматический солипсизм утверждает:

«Нет ничего, кроме фактов»; скептический солипсизм утверждает: «Неизвестно ничего, кроме фактов». Не существует никаких доводов в поддержку догматической формы, поскольку существование так же трудно опровергнуть, как и доказать, если речь идет не о факте.

85. Сотворение

Доктор Джонсон сказал, что дьявол был первым вигом; мне же кажется, что он был первым тори. Когда Бог решил создать человека, Он действовал как революционер.

Сатане, когда он узнал об этом проекте, это показалось диким и нелепым нововведением, ведь вселенная ангелов была хорошо упорядочена, в ней были свои старинные устоявшиеся ритуалы, и она давно была очищена от всех пошлостей, которые омрачали более ранние зоны.

Единственным решением, которое пришло сатане в голову, было внести в мир смерть; он не предвидел, что смерть будет действовать слишком медленно для того, чтобы помешать первым родителям оставить потомство, которое увековечит беспорядок. Я почти уверен, что Сантаяна согласился бы с сатаной в таком неприятии необдуманного и сеющего хаос нововведения. Я бы и сам с ним согласился, если бы мог знать заранее, во что человек превратит свою планету.

Любопытная попытка спасти ортодоксальную веру в сфере биологии была предпринята Госсе, натуралистом, отцом Эдмунда Госсе. Он полностью принял все свидетельства, приведенные геологами в пользу древности мира, но настаивал на том, что когда произошло Сотворение, все было создано так, как если бы мир обладал историей в прошлом. Логически невозможно доказать, что эта теория неверна. Теологи решили, что у Адама и Евы был пупок, как если бы они родились обычным путем. Подобным образом и все остальное, что было создано, могло быть создано так, как если бы оно возникло естественно.

Скалы могли быть наполнены ископаемыми и сделаны именно такими, какими они стали бы, если бы они были обязаны своим происхождением вулканическим процессам и отложению пород. Но если допустить такую возможность, то нет никакого основания отнести сотворение

мира к одному моменту, а не к другому. [Мир сотворен только вчера, вместе с твоими воспоминаниями о всей жизни – А.Б.]

86. Абстрактное

Итак, можно сказать, что мир элементарной физики наполовину абстрактен, в то время как мир дедуктивной теории относительности полностью абстрактен. Видимость вывода реальных явлений из математических законов обманчива; на самом деле явления лишь предоставляют возможность индуктивного подтверждения общих принципов, на которых основана наша математика. Любой наблюдаемый факт сохраняет свою полную доказательную ценность; но теперь он подтверждает не просто некоторый частный закон, но общий закон, лежащий в основе дедуктивной системы.

87. Реакции задержанные

Предложения (высказывания) необходимы для того, чтобы различать эти случаи словоупотребления. Они необходимы также для того (и это, вероятно, их основное применение), чтобы выразить то, что можно назвать «задержанными реакциями». Предположим, что вы намереваетесь завтра путешествовать поездом, а сегодня вы ищете свой поезд в расписании; в это время вы не собираетесь предпринимать никаких дальнейших действий, вытекающих из полученной вами информации, но когда придет время, вы будете вести себя соответствующим образом. Знания в том смысле, в котором они не сводятся к простой регистрации текущих ощущений, по существу заключаются в готовности к таким задержанным реакциям.

Эту готовность всегда можно назвать «убеждением», и можно назвать «знанием» только в том случае, когда она подсказывает успешную реакцию, или, во всяком случае, проявляет такое отношение к соответствующим фактам, которое отличает ее от готовности, заслуживающей имени «заблуждение».

88. Реальность

Таким образом, вопрос, который нам предстоит рассмотреть – это вопрос о том, что можно иметь в виду при приписывании «реальности» некоторым, но не всем сущностям, составляющим мир. Мне кажется, что при употреблении в этом смысле слова «реальность» мы скорее чувствуем, чем осознаем, два следующих обстоятельства.

Вещь реальна, если она продолжает существовать в то время, когда мы ее не воспринимаем; кроме того, вещь реальна, когда она соотносится с другими вещами так, как мы склонны ожидать в соответствии с нашим опытом.

Мы увидим, что реальность и в том, и в другом смысле вряд ли необходима вещам, и, в сущности, может существовать целый мир, в котором ничто не будет реально ни в одном из этих смыслов. Может оказаться, что объекты восприятия лишены реальности в одном из указанных отношений (или в обоих), но из этого совершенно не следует, что они не являются

частями внешнего мира, с которым имеет дело физика.

89. Реальные объекты

Чувственные объекты называются «реальными», когда они связаны с другими чувственными объектами таким способом, который мы благодаря своему опыту считаем нормальным; при отсутствии этой связи они называются «иллюзиями».

90. Ревность

Ревность, без сомнения, является особой формой зависти – завистью по отношению к любви. Старики часто завидуют молодым; когда это так, они способны на жестокость.

91. Жизненные установки

Три установки наиболее распространены в мировоззрении людей: практическая, мистическая и научная. Каждая недостаточна в роли, охватывающей всю жизнь; каждая становится ошибочной, когда она пытается распространиться за пределы собственной сферы.

Практическая установка спрашивает: «что я буду делать?». Мистическая установка спрашивает: «что я буду чувствовать?». Научная установка спрашивает: «во что я буду верить?» или «что я могу знать?».

92. Жизнь, образ жизни

Китайцы открыли и практикуют уже в течение многих столетий образ жизни, который, если бы он был принят во всем мире, сделал бы весь мир счастливым. У европейцев иначе. Наш образ жизни требует борьбы, эксплуатации, непрерывных изменений, неудовлетворенности и разрушения. Производительность, направленная на разрушение, может завершиться только всеобщим уничтожением, и именно к этому итогу придет наша цивилизация, если она не сможет немного научиться той мудрости, за которую она презирает восток. [Да, но непрерывная смена династий в Китае тоже происходила не без войн. Зато, видимо, Бог настолько был спокоен за философию востока, что не посылал к ним лишних пророков – А.Б.]

93. Полнота жизни

Инстинкт, разум и дух существенны для полноты жизни; каждый из них обладает своими

собственными преимуществами и недостатками. Каждый может достичь ложного превосходства за счет других; каждый имеет тенденцию посягать на роль других. Но в жизни, к которой следует стремиться, все три будут развиваться во взаимодействии и тесно переплетутся в одно гармоническое целое.

94. Зависть

Зависть – третья из психологических причин, которыми мы объясняем несовершенства действительного мира – зависит у большинства натур от той общей неудовлетворенности, которая происходит из недостатка свободного развития, из подавления инстинкта и из невозможности реализации желаемого счастья [и осознаваемых способностей – АБ].

Зависть не может быть излечена проповедью; проповедь, в лучшем случае, только изменит ее проявления и приведет к более скрытым формам. За исключением тех редких натур, у которых великодушие преобладает при любых обстоятельствах, единственное лечение от зависти – это свобода и радость жизни [самореализация, осмысленность – АБ].

Среди всех свойств обычной человеческой природы зависть приносит больше всего несчастья. Завистливый человек не только желает причинять несчастье другим и делает это, когда только можно, безнаказанно, но он и сам расплывается несчастьем за зависть. Вместо радости от того, что у него есть, он испытывает боль из-за того, что имеют другие [отнести это можно не только к вещам и должностям – АБ].

95. Интуиция

Интуиция фактически является аспектом и продолжением инстинкта. Как все инстинкты, она превосходно действует в обычных обстоятельствах, сформировавших привычки животного, но совершенно бесполезна, как только обстоятельства меняются и требуется какой-то непривычный образ действия.

96. Удовольствие

«Удовольствие» – это свойство ощущения или другого ментального явления, состоящее в том, что явление, о котором идет речь, или вообще не вызывает ни умышленных, ни рефлекторных движений, или вызывает только движения, направленные на продление самого явления.

97. Страх

Существуют различные виды страха: из них физический страх, единственный традиционно презираемый вид страха – далеко не самый вредный. Моральный и интеллектуальный страх

гораздо хуже. Всякий страх в той или иной мере вызывает злость, которая, поскольку не смеет излиться на устрашающий объект, находит выход в тирании над более слабым. Так же, как жестокость властителей порождает страх, страх рабов порождает жестокость. Страх общественного осуждения, вероятно, является одной из главных причин низости и суровости современного мира.

98. Страхи реальные

Существует другой класс страхов, где опасность реальна, но может быть устранена достаточным умением. Простейший пример этого – физические опасности, подобные тем, которым подвергаются в альпинизме. Но существует и множество других. Возьмем, к примеру, страх общественного осуждения. Совершенно верно, что один человек может украсть лошадь, в то время как другой боится даже посмотреть через забор; эта разница зависит главным образом от определенного рода различий в неосознанном отношении к другим людям. С человеком, который ожидает, что с ним будут плохо обращаться, действительно будут плохо обращаться, в то время как человек, который относится к другим с наивным дружелюбием, обнаружит, что его отношение подтверждается. Мальчики, которые боятся собак, убегают от них, что заставляет собак хватать их за пятки, в то время как мальчики, которые любят собак, считают, что собаки любят их.

99. Страх и религия

Религия основана, я думаю, прежде всего и главным образом на страхе. Это отчасти боязнь неизвестного, а отчасти, как я уже сказал, желание чувствовать, что у тебя есть старший брат, который защитит тебя во всех твоих бедах и ссорах. Страх – это основа всего: страх загадочного, страх поражения, страх смерти. Страх порождает жестокость, и поэтому не удивительно, что жестокость и религия идут рука об руку.

100. Последствия страха

Страх также имеет пагубные последствия в интеллектуальном отношении. Существует боязнь необычного мнения, которая мешает людям честно думать о любом вопросе, о котором его соседи имеют нелепое мнение. Кроме того, существует страх смерти, который мешает людям честно думать о теологических вопросах; и еще существует страх самостоятельности, заставляющий людей искать авторитет, которому они могли бы подчиниться. Эти различные формы страха несут ответственность за добрую половину всей глупости в мире.

101. Свобода от страха

Я не хочу сказать, что отсутствие страха само по себе достаточно для формирования

достойного человеческого существа; несомненно, необходимы и другие вещи. Но я утверждаю, что свобода от страха – это одна из самых важных вещей, к которым следует стремиться; вероятно, она легче достижима мудрым воспитанием, чем другие столь же желаемые качества.

102. Счастливая жизнь

Условиями счастливой жизни мне кажутся: во-первых, здоровье и достаточный уровень экономической обеспеченности; во-вторых, работа, которая приносит удовлетворение – тем, что ощущается как стоящая, и тем, что использует способности человека, не требуя невозможного; в-третьих, приносящие удовлетворение личные отношения, особенно счастливая семейная жизнь; в-четвертых, широта интересов, которая позволяет испытывать радость от многих вещей.

103. Непротиворечивость

Никому еще не удавалось создать философию, которая была бы одновременно правдоподобной и внутренне непротиворечивой. К правдоподобию стремился Локк, но достиг его лишь за счет непротиворечивости.

Большинство же великих философов поступали наоборот.

Философия, не свободная от внутренних противоречий, не может быть полностью истинной, но непротиворечивая философия вполне может оказаться полностью ложной.

104. Угнетенные

Как ясно из многочисленных рассмотренных примеров, тот этап, на котором угнетенным приписывается исключительная нравственность, является преходящим и непостоянным. Он начинается только тогда, когда у угнетателей начинаются угрызения совести, а это, в свою очередь, случается, когда их власть уже непрочна. На время идеализация жертвы может быть полезна: если нравственность – высшее благо, и подчинение делает людей добродетельными, то лишить их власти, которая разрушает их добродетели – означает сделать им добро.

Для богатого человека войти в небесное царство непросто, и достойным поступком с его стороны будет поддерживать свое богатство, рискуя своим вечным спасением для блага своих бедных собратьев. Со стороны мужчин прекрасным самопожертвованием было освобождение женщин от грязной работы политиков. И так далее. Но рано или поздно угнетенный класс начинает утверждать, что его исключительная нравственность является доводом в пользу его обладания властью, и угнетатели обнаружат, что их собственное оружие обернулось против них.

105. Мудрость

Под мудростью я имею в виду правильное понимание жизненных целей. Это нечто такое, чего наука сама по себе не обеспечивает. Поэтому одного лишь роста науки недостаточно для того, чтобы гарантировать подлинный прогресс, хотя этот рост представляет собой один из элементов, необходимых для прогресса.

106. Относительность

Определенный тип преуспевающих людей любит утверждать, что «все относительно». Это, конечно же, чепуха, потому что если бы все было относительно, не осталось бы ничего, по отношению к чему оно было бы относительно.

Однако, не впадая в метафизический абсурд, можно утверждать, что все в физическом мире существует относительно наблюдателя.

Один и тот же наблюдатель, принявший все необходимые меры предосторожности для обеспечения точности наблюдений (в частности, принявший во внимание фактор скорости света), может одновременно наблюдать два события в отдаленных друг от друга местах, в то время как другой не менее предусмотрительный наблюдатель может утверждать, что первое событие предшествовало второму, и, наконец, третий – что второе предшествовало первому. Это может случиться, если все три наблюдателя быстро движутся относительно друг друга.

Для философии в теории относительности значительно важнее то, что она упраздняет единое космическое время и единое непрерывное пространство, заменяя и то и другое пространством-временем. Эта замена имеет огромное значение, поскольку фундаментально меняет наше представление о структуре физического мира и имеет, я думаю, последствия для психологии. Бесплезно сегодня говорить о философии, не объясняя этого обстоятельства.

107. Общая теория относительности

Общая теория относительности (ОТО) – опубликованная в 1915 году, через 10 лет после появления специальной теории (СТО) – была прежде всего геометрической теорией гравитации. Эту часть теории можно считать прочно утвердившейся. Однако, она имеет также более умозрительные черты. В своих уравнениях она содержит то, что называется «космической константой» [“космологической постоянной” – АБ], определяющей размеры вселенной в любой момент времени. Эта часть теории, как я упоминал, призвана показать, что вселенная непрерывно расширяется или сужается. [И, насколько я помню, измеренное значение этой постоянной как раз таково, что невозможно понять, какая судьба постигнет вселенную далее: будет она разлетаться в бесконечность, или расширение сменится сжатием. Значение – как раз на границе. – АБ].

ОТО имеет значительно более широкий охват, чем СТО, и представляет больший интерес для философии, выходящий за пределы вопроса о замене пространства и времени пространством-временем. Общая теория требует отвергнуть все прямые отношения между отдаленными событиями, причем отношения, от которых зависит пространство-время,

вначале ограничиваются очень небольшими областями и расширяются только (там, где это возможно) посредством объединения. Весь старый аппарат геометрии – прямые линии, круги, эллипсы, итд. – утратил свое значение.

108. Специальная теория относительности

Специальная теория ставит перед собой задачу сделать законы физики одинаковыми по отношению к любым двум системам координат, движущимся друг относительно друга прямолинейно и равномерно. Здесь необходимо было принять во внимание два вида уравнений: уравнения Ньютоновской динамики и уравнения Максвелла. Последние не изменяются в результате трансформации Лоренца, однако первые требуют определенных корректировок. Эти корректировки, однако, были уже известны благодаря экспериментальным результатам. Тем самым, решение рассматриваемой проблемы было завершено, однако с самого начала было ясно, что в действительности проблема является более общей. Нет оснований ограничиваться двумя системами отсчета, находящимися в равномерном прямолинейном движении; проблема должна была получить решение для двух произвольных систем отсчета, независимо от характера их относительного движения. Эта проблема была решена общей теорией относительности.

Эйнштейну удалось показать, как можно избежать выводов Ньютона и сделать пространственно-временное положение чисто относительным. Однако своей теорией относительности он сделал гораздо больше. В СТО он показал, что между двумя событиями имеется отношение, которое можно назвать «интервалом» и которое самыми разными способами можно разбить на то, что мы считаем пространственным расстоянием, и то, что мы считаем отрезком времени. Все эти разные способы одинаково правомерны; нельзя сказать, что один из них более «правилен», чем остальные. Выбор между ними – вопрос чисто условный, подобно выбору между метрической системой мер и системой футов и дюймов. [зависит от наблюдателя – АБ]

СТО, которую мы рассматривали до сих пор, полностью разрешила конкретную проблему – объяснить тот экспериментальный факт, что все законы физики (как обычной динамики, так и связанные с электричеством и магнетизмом) являются абсолютно одинаковыми для двух тел, находящихся в равномерном относительном движении.

«Равномерное» движение означает здесь прямолинейное движение с постоянной скоростью.

109. Противоречие (закон исключенного третьего)

Мы можем утверждать, что из одной формулировки закона противоречия не может следовать никаких суждений, кроме высказывания о том, что существует истина, или что некоторое суждение истинно. Ибо этот закон говорит лишь о том, что любое суждение должно быть либо истинно, либо ложно, но не может быть и тем и другим одновременно. Закон не дает указания на то, какую альтернативу следует предпочесть, и не может сам определить, какое суждение истинно. Теперь перейдем к интерпретации закона противоречия.

Не следует говорить: «Предложения 'это красное' и 'это не красное' не могут быть истинными одновременно», поскольку мы заинтересованы в устранении «не». Следует говорить: «Неверие в утверждение 'убеждение, что это красное, и неверие в то, что это красное,

одновременно истинны' всегда истинно». По-видимому, таким путем мы можем заменить «не» и «ложность» на «неверие» и «истинность неверия». Затем мы снова вводим «не» и «ложность» с помощью определений: слова «это не синее» определяются как выражающие неверие в то, что выражается словами «это синее». Таким образом удастся избежать необходимости пользоваться «не», которое является неопределимой составляющей фактов.

110. Прямодушие

Прямодушие, которое я считаю второстепенным лишь по отношению к доброте, состоит, вообще говоря, в том, чтобы в своих убеждениях исходить из очевидности, а не из соображений удобства или стремления к удовольствию.

При отсутствии прямодушия доброжелательность часто разрушается самообманом. Среди богатых было распространено утверждать либо то, что бедным приятно, либо то, что бедность – результат беспомощности.

Некоторые здоровые люди убеждены в том, что все болезни представляют собой потакание собственным слабостям. Я слышал, что охотники на лис утверждают, будто бы лисе нравится, когда за ней охотятся.

111. Мнение

Мнение является научным, если существует некоторое основание, позволяющее считать это мнение истинным. ненаучного мнения придерживаются в силу других причин, а не на основании его вероятной истинности.

112. Или

Но как насчет «или»? Мы не можем указать на примеры употребления его детьми в осязаемом мире. Вы можете сказать: «Ты будешь пудинг или торт?», однако если ребенок скажет «да», вам не удастся найти еду, котроая была бы «пудингом-или-тортом». Тем не менее, «или» имеет отношение к опыту; оно связано с опытом выбора.

Но при выборе перед нами имеются два возможных образа действия, то есть две актуально присутствующие мысли в отношении образа действия. Эти мысли не обязательно сопровождаются явными предложениями, но, в сущности, ничего не изменится, если мы предположим, что эти предложения явные. Таким образом, «или» как элемент опыта предполагает предложения (или нечто ментальное, аналогичным образом соотнесенное с некоторым другим фактом).

113. Инстинкт

Несмотря на оговорки, глубокое различие между инстинктом и привычкой не подлежит сомнению. Если взять крайние случаи, то каждое животное от рождения может брать пищу, руководствуясь инстинктом, перед тем, как у него появляется возможность учиться; с другой стороны, никто не может инстинктивно ездить на велосипеде, хотя после обучения необходимые движения становятся такими же автоматическими, как если бы они были инстинктивными.

Популярная концепция инстинкта допускает ошибку, приписывая ему безошибочность и изначальную мудрость, а также неспособность к изменению. Это – полное заблуждение. Инстинкт, как правило, действует очень просто и способен к достижению своего результата в обычных обстоятельствах, однако легко вводится в заблуждение чем-то необычным.

Можно сказать, что сущность инстинкта состоит в обеспечении механизма таких не ["не"??? – АБ] предусмотренных заранее действий, которые обычно имеют биологические преимущества. Отчасти именно по этой причине так важно понимать фундаментальное место инстинкта в поведении как животных, так и человека.

114. Жизнь инстинкта

Жизнь инстинкта включает все, что человек разделяет с животными – все, что имеет отношение к самосохранению и размножению, а также к желаниям и побуждениям, которые с ними связаны. Она включает тщеславие и любовь к обладанию, привязанность к семье и даже большую часть того, что называют любовью к своей стране. Сюда относятся все импульсы, которые существенно связаны с биологическим успехом отдельного человека или группы.

115. Привычка

Все виды материи до некоторой степени, а отдельные виды (например, нервная ткань) особенно, способны формировать «привычки», то есть изменять свою структуру в данной среде таким образом, что, оказываясь впоследствии в подобной среде, они реагируют по-другому, но если подобная среда часто повторяется, реакция в результате становится почти одинаковой, хотя и отличается от реакции в первом случае.

116. Привязчивость

Привязчивость – это эмоциональная привычка, которая хороша в умеренных дозах, но может зайти слишком далеко. В этом случае она приводит к недостатку самостоятельности, который может иметь крайне нежелательные последствия для характера. Некоторые люди, по натуре скорее моралисты, чем психологи, путают привязчивость с добросердечием и воображают, будто она состоит в желании счастья для любимого человека; на самом деле привязчивость в своих инстинктивных проявлениях граничит с ревностью и не во всех своих формах является желательной эмоцией.

117. Покорность

Впрочем, покорность тоже играет роль в достижении счастья, и эта роль не менее существенна, чем роль усилия. Хоть умный человек не будет сидеть сложа руки, если может предотвратить несчастье, но он не станет понапрасну тратить время и эмоции, когда оно неизбежно.

Даже если неприятность можно предотвратить, он покорится, если ее предотвращение мешает достижению какой-то более важной цели.

118. Правдивость

Строгая правдивость взрослых по отношению к детям является, конечно, абсолютно необходимой, если взрослые не хотят, чтобы дети научились лгать. Родители, провозглашающие ложь грехом и тем не менее уличенные своими детьми во лжи, утрачивают всякий моральный авторитет. Идея говорить правду детям совершенно нова; вряд ли кто-либо поступал так до нынешнего поколения. Я очень сомневаюсь в том, что Ева поведала Каину и Авелю правду о яблоках; я убежден, что она сказала им, что никогда не ела ничего такого, что могло бы ей повредить.

Под правдивостью я понимаю обыкновение составлять наши мнения, руководствуясь очевидностью, и придерживаться этих мнений с той мерой убежденности, которую эта очевидность оправдывает. Эта мера никогда не достигает полной уверенности, и поэтому мы всегда должны быть готовыми признать новую очевидность вопреки прежним убеждениям. Более того, поступая по убеждению, мы должны, если это возможно, предпринимать только такое действие, которое будет полезным даже в том случае, когда наше убеждение более или менее ошибочно; следует избегать действий, которые окажутся губительными, если наше убеждение не является абсолютно истинным.

119. Праведность

Праведность не может родиться, пока живо самооправдание.

120. Конечные цели

Главные вещи (ends), которые кажутся мне важными сами по себе, а не просто как средство для других вещей – это знание, искусство, безотчетное [???] счастье и отношения дружбы и привязанности.

121. Цензура

Если власть сосредоточена в руках членов одной секты, неизбежно возникает суровая идеологическая цензура. Искренне верующие будут стремиться распространить истинную веру; остальных устроит внешнее послушание. Первое убивает свободную деятельность ума; последнее содействует лицемерию. Образование и литература становятся избитыми и вырабатывают легковерие, а не инициативу и критическое мышление.

122. Ценности

Вопросы о «ценностях» (иначе говоря, о том, что хорошо или плохо само по себе, независимо от его осуществления) лежат за пределами сферы науки, как настойчиво утверждают поборники религии. Я считаю, что в этом они правы, однако я делаю дальнейший вывод, которого они избегают: о том, что вопрос о ценностях лежит полностью за пределами сферы знания. Иначе говоря, когда мы утверждаем, что то или иное «имеет ценность», мы выражаем свои собственные эмоции, а не факт, истинный независимо от наших чувств. [да, это все – в сфере психологии – АБ].

123. Следствия субъективной теории ценностей

Следствия этой доктрины значительны. Прежде всего, такая вещь, как «грех», не может существовать в каком-либо абсолютном смысле; то, что один человек называет «грехом», другой может называть «добродетелью», и хотя они могут испытывать неприязнь друг к другу на основании этого различия, ни один из них не может обвинить другого в интеллектуальном заблуждении. [то есть, есть понятия, объективно индифферентные к добру и злу; добро и зло в них привносятся чисто субъективно, и всеми по-разному – АБ]. Наказание не может быть оправдано на том основании, что преступник «порочен», но лишь на том основании, что он вел себя таким образом, которому желают противодействовать другие. [да, психология много говорит об относительности понятия «норма» – АБ]. Ад, как место наказания грешников, становится совершенно бессмысленным. [если только не считать «грехом» отклонение от данных Богом, и именно Им, законов, которых не так много – АБ].

124. Субъективность ценностей

Этика, если верен приведенный выше анализ, не содержит никаких утверждений, ни истинных, ни ложных, а состоит из пожеланий некоторого общего рода, а именно таких, которые касаются желаний человечества в целом, а также богов, ангелов и дьяволов, если таковые существуют.

Наука может обсуждать источники желаний и средства их осуществления, но она не может содержать никаких подлинно этических изречений, поскольку она имеет дело с тем, что является истинным или ложным. [зато метанаука – философия – может требовать относиться с осторожностью и ответственностью к высказываниям в этой сфере – АБ]. Теория, сторонником которой я являюсь, представляет собой одну из форм так называемой доктрины «субъективности» ценностей.

125. Ценность

Остается, однако, огромная, традиционно включаемая в философию область, где научные методы не являются адекватными. Эта область включает окончательные ценностные вопросы; одна лишь наука, например, не в силах доказать, что недостойно радоваться причинению жестокости. Все, что можно узнать, можно узнать при помощи науки; однако то, что по праву является вопросом чувства, лежит за пределами ее компетенции.

126. Человек счастливый

Счастлив тот, кто живет непредубежденно, кто имеет свободные чувства и широкий спектр интересов, кто обеспечивает свое счастье благодаря этим интересам и чувствам и благодаря тому, что они, в свою очередь, делают его объектом интересов и чувств многих других людей.

На самом деле вся противоположность себя и остального мира, которая предполагается в теории самоотречения, исчезает, как только у нас появляется какая-либо искренняя заинтересованность в людях или вещах вне нас.

Благодаря такой заинтересованности человек начинает ощущать себя частью течения жизни, а не отдельной непроницаемой сущностью, которая, как бильярдный шар, не может иметь никаких отношений с другими, кроме столкновений.

127. Власть человека

Коротка и беспомощна жизнь человеческая: на человека и на весь его род медленный и уверенный рок безжалостно опускает завесу тьмы. Слепа к добру и злу, равнодушна к разрушению, всемогущая материя проходит своим неумолимым путем. Человеку, осужденному сегодня утратить самых близких, а завтра самому пройти через врата тьмы, остается лишь лелеять, пока не пал удар судьбы, возвышенные мысли, облагораживающие его короткие дни; презирая малодушные страхи раба Судьбы, служить в храме, построенном его собственными руками; не страшась империи случайности, сохранить разум свободным от бессмысленной тирании, управляющей его внешней жизнью; в гордом неповиновении непреодолимым силам, которые временно терпят его знание и его осуждение, поддерживать в одиночку, как усталый, но непреклонный Атлант, мир, вылепленный из его собственных идеалов вопреки разрушительному шестивью бессознательного.

128. Назначение человека

Мы тоже всеми своими делами вносим свой вклад в процесс, развитие которого мы не в состоянии предугадать; даже самые малозаметные – актеры в великой драме. Мы не можем сказать, будет ли достигнута какая-либо важная для нас цель; но, во всяком случае, сама драма преисполнена титанического великолепия. Дело историка – извлечь это великолеpie

из приводящего в замешательство множества несоответствующих деталей.

129. Недолговечность человека

Даже в масштабах жизни нашей планеты человек – это всего лишь короткий эпизод. Нечеловеческие формы жизни существовали бесчисленные века, прежде чем развился человек. Человек, даже если он не покончит жизнь научным самоубийством, в конечном счете погибнет из-за недостатка воды, воздуха или тепла. С трудом верится, что Всемогущий нуждался в стольких декорациях ради такого скромного и преходящего результата.

130. Подлинная жизнь человека

Я хочу предостеречь от опасности сторонников экономического восстановления: рассматривая человека как средство производства товаров, вместо того, чтобы считать товары необходимым фактором освобождения нематериальной стороны человеческой жизни, они перенимают ошибки своих оппонентов. Подлинная жизнь человека не состоит в деле наполнения желудка и одевания тела, но в искусстве, мышлении и любви, в творчестве и в созерцании прекрасного, и в научном постижении мира. Чтобы мир был возрожден, каждый должен получить возможность участвовать во всех этих делах, а не только в потреблении материальных благ.

131. Участь человека

Вселенная огромна, и люди – не более чем крохотные крупинки на незначительной планете. Однако, чем больше мы осознаем свою ничтожность и свою беспомощность перед лицом космических сил, тем более поразительным становится то, чего достигли человеческие существа.

Своей последней верой мы обязаны возможным достижениям человека, и мысль о них облегчает суровые волнения нашей беспокойной эпохи.

132. Цель человека

Человечество в такой степени стало одной семьей, что мы не можем обеспечить наше собственное процветание, не обеспечив процветание каждого другого. Если вы хотите сами быть счастливыми, вы должны заняться заботой о счастье других. Может ли наука развиваться дальше, и, развиваясь, может ли она приносить больше блага, чем вреда, зависит от способности человечества усвоить этот простой урок. [альтруизма – АБ]. Вероятно, всем следует постичь этот урок, но в первую очередь – тем, кто наделен большой властью. Некоторым из них еще предстоит долгий путь.

133. Человеческое совершенство

В то же время, когда я проверяю мою собственную концепцию человеческого совершенства, я нахожу, что она – несомненно, благодаря тому, что окружало меня в раннем детстве – содержит много такого, что до сих пор ассоциировалось с аристократией: бесстрашие, независимость суждений, освобождение от толпы, культуру досуга. Можно ли сохранить эти черты, или даже развить их, в индустриальном обществе? И можно ли отделить их от типичных аристократических пороков: недостатка сострадания, надменности и жестокости к тем, кто за пределами изящного круга? Эти дурные качества не могли бы существовать в обществе, в котором аристократические добродетели являлись бы достоянием всех. Но этого можно достигнуть только благодаря экономической обеспеченности и свободному времени – двум источникам того, что есть хорошего в аристократии. В конце концов стало технически возможным, благодаря прогрессу механизации и – вследствие этого – возрастанию производительности труда, создать общество, в котором каждый человек экономически обеспечен и имеет достаточный досуг, ибо полный досуг не нужен и нежелателен. Но хотя техническая возможность существует, есть серьезные политические и психологические препятствия. Для создания такого общества необходимо гарантировать три условия: 1) более равномерное распределение продукта труда; 2) отсутствие крупномасштабных войн; 3) постоянное или близкое к постоянному население.

134. Человечество

Весь мир искусства, литературы и науки является международным; то, что делается в одной стране, делается не для этой страны, но для человечества. Если мы спросим себя, что возвышает человека над животным, что заставляет нас считать человеческую расу более ценной, чем любой вид животных, то мы найдем, что ни одна из таких вещей не может находиться в исключительной собственности какой-либо одной нации, но все эти вещи таковы, что ими может владеть сообща весь мир. Те, кто как-то печется об этих вещах, кто желает видеть успех человечества в работе, которая под силу только людям, не слишком будут считаться с национальными границами, и их мало будет заботить, подданным какого государства случилось быть человеку. [до тех пор, пока государство не мешает его плодотворной работе – АБ].

135. Семья человечества

Мы должны осознать, интеллектуально и нравственно, что мы все являемся одной семьей и что счастье любого члена семьи не может быть надежно построено на разорении другого. В наше время недостаток нравственности мешает ясному мышлению, а путаное мышление поощряет недостаток нравственности. Возможно, хотя я едва смею надеяться на это, водородная бомба запугает человечество до здравомыслия и терпимости. [в прежние века эту роль играл Господь Бог – АБ]. Если это произойдет, то мы будем иметь основания благодарить ее создателей. [Следует заметить, что Бертран Рассел – американец и антикоммунист. Хотя здесь он имеет в виду, конечно, общий ужас всего человечества перед тупиком общей смерти, из которого все же может следовать образумление и попытка

вернуться из всеобщего страха к выходу во всеобщую разумность – АБ].

136. Надежды на человечество

Если бы у нас была бодрость духа и надежда, основанная на фактах, мы бы в тысячу раз легче, чем сейчас, преодолели все трудности и привели остальной мир, или по крайней мере его большую часть, к духу энергичного сотрудничества. [а как же притча о Вавилонской башне? – АБ]. Однако мы можем сделать это, только если наши надежды великодушны. Мы не можем оставить себе блага, которыми мы сейчас пользуемся. Если мы продолжим пользоваться ими, мы должны убедиться, что весь мир разделяет их с нами. Сейчас главным образом страх мешает этому великодушию чувств, и, чтобы положить конец нашим бедам, мы должны научиться, даже в самых сокровенных мыслях, обращаться не к страху, а к надежде.

137. Литература

Обучение литературе – это дело, в котором легко допустить ошибку. Нет ни малейшей пользы, ни молодым, ни пожилым людям, в том, чтобы быть хорошо информированными о литературе, знать годы жизни поэтов, названия их произведений и так далее. Все, что можно поместить в учебник, ничего не стоит. Что ценно, так это хорошее знакомство с некоторыми образцами хорошей литературы – знакомство, которое будет влиять на стиль не только письма, но и мысли. 138. Личная выгода Бенхам считал, что вся мораль может быть выведена из «просвещенной личной выгоды» и что человек, всегда действующий с целью собственного максимального удовлетворения, в конечном счете всегда действует правильно. Я не могу согласиться с этой точкой зрения.

Существовали тираны, получавшие редкое удовольствие от созерцания процесса пыток; я не могу восхищаться этими людьми, когда расчетливость заставляет их сохранять своим жертвам жизнь, чтобы на другой день подвергнуть новым страданиям.

139. Логика

Деятельность может обеспечить только одну половину мудрости; другая половина зависит от воспринимающей бездеятельности. В конечном счете, спор между теми, кто основывает логику на «истине» и теми, кто основывает ее на «исследовании», происходит из различия в ценностях и на определенном этапе становится бессмысленным.

В логике будет пустой тратой времени рассматривать выводы относительно частных случаев; мы имеем дело всегда с совершенно общими и чисто формальными импликациями, оставляя для других наук исследование того, в каких случаях предположения подтверждаются, а в каких нет.

Хотя мы больше не можем довольствоваться определением логических высказываний как вытекающих из закона противоречия, мы можем и должны все же признать, что они образуют класс высказываний, полностью отличный от тех, к знанию которых мы приходим

эмпирически. Все они обладают свойством, которое чуть выше мы договорились называть «тавтологией». Это, в сочетании с тем фактом, что они могут быть выражены исключительно в терминах переменных и логических констант (где логическая константа – это то, что остается постоянным в высказывании, даже когда все его составляющие изменяются), даст определение логики или чистой математики.

140. Ложь (falsehood)

Я думаю, что окончательная проверка на ложность ничуть не связана с характером следствий из убеждения, но связана с характером отношения между словами и ощущаемыми или припоминаемыми фактами. Убеждение «верифицируется», когда возникает ситуация, которая приносит чувство оправданности соответствующего ожидания; и оно фальсифицируется, когда мы испытываем чувство удивления. Но это относится только к убеждениям, предполагающим возможность подтверждения или опровержения в будущем.

141. Ложь (lying)

В самом деле, ни один человек, думающий правдиво, не может считать, что всегда плохо говорить неправду. Те, кто считает, что ложь – это всегда плохо, вынуждены дополнять эту точку зрения немалой казуистикой и частой практикой запутывающих двусмысленностей, благодаря которым они обманывают, не признаваясь себе во лжи.

142. Любовь

Любовь – это слово, охватывающее разнообразные чувства; я употребляю его преднамеренно, поскольку хочу охватить их все. Любовь как эмоция – я говорю именно о ней, ибо любовь «из принципа» не кажется мне подлинной – находится между двумя полюсами: с одной стороны, чистое очарование созерцания, а с другой – чистая доброжелательность.

Моя позиция, однако, в действительности состоит не во враждебности к моральным нормам; она, в сущности, выражена святым Павлом в отрывке о милосердии. Я не всегда нахожу себя в согласии с этим апостолом, но в этом вопросе я чувствую совершенно то же, что и он – а именно, что никакое повиновение моральным нормам не может заменить любви, и что там, где есть подлинная любовь, она сможет, при помощи разума, создать такие моральные нормы, какие необходимы.

143. Внушение любви

Любовь не может существовать как обязанность: говорить ребенку, что он должен любить своих родителей, своих братьев и сестер, в лучшем случае совершенно бесполезно. Родители, желающие быть любимыми, должны вести себя так, чтобы вызывать любовь; и они

должны стараться дать своим детям такие физические и духовные качества, которые вызывают добрые чувства.

144. Аскет

Человек, который наслаждается хорошим обедом или высекает из мрамора статую, видит в материи не враждебную стихию, а возможности. Напротив, аскет (будь он последователен, он был бы манихеем) отрицает все материальные удовольствия и видит их причину в материальной части своего "я", к освобождению от которой он стремится. Это отрицание относится не только к удовольствиям, которые обычно называют чувственными, но и ко всему миру искусства, ибо искусство связано с чувством. Такая мораль – плод безысходности; она возникает только после того, как утрачена природная радость бытия.

145. Анализ

Операция, посредством которой мы, исходя из рассмотрения W в целом, приходим к выводу « P есть часть W » [разборка на части], называется анализом. Она имеет две разновидности: логический анализ и анализ пространственно-временных частей.

146. Аналитический

Таким образом, мы должны предположить, что природные процессы скорее имеют характер, приписанный им аналитиком, чем холистический характер, как верят противники анализа. Я не утверждаю, что холистический мир логически невозможен, но я утверждаю, что в нем не могли бы возникнуть ни наука, ни эмпирическое знание.

147. Синтетический

Все суждения, которые не являются тавтологиями, мы будем называть «синтетическими». В силу приведенного выше аргумента, простейшие виды суждений должны быть синтетическими. Чтобы можно было использовать логику или чистую математику в процессе получения не-тавтологического знания, нужны другие источники знания вне логики и чистой математики.

148. Сила

Дело в том, что вся концепция «силы» ошибочна. Солнце не проявляет силу по отношению к планетам; согласно закону гравитации Эйнштейна, на планету влияет только то, что

находится в ее ближайшей окрестности. Каким образом это происходит, станет понятно в следующей главе; сейчас мы только касаемся необходимости отказа от понятия «сила». Этим понятием мы обязаны ошибочным представлениям, возникшим из ощущения соприкосновения.

149. Хорошая жизнь

Чтобы жить хорошей жизнью в самом полном смысле, человек должен иметь хорошее образование, друзей, любовь, детей (если он их хочет), достаточный доход, чтобы защитить себя от нужды и тяжелых забот, хорошее здоровье и нескучную работу. Все эти вещи в различной степени зависят от социального окружения, и им благоприятствуют или мешают политические события.

Хорошая жизнь должна быть прожита в хорошем обществе, иначе она не вполне возможна. Хорошая жизнь – это жизнь, вдохновляемая любовью и руководимая знанием.

150. Образы

Образы, в противоположность ощущениям, могут быть определены лишь благодаря их особой причинной обусловленности: они вызываются ассоциацией с ощущением, а не внешним по отношению к нервной системе стимулом – или, вероятно, нужно сказать: внешним по отношению к мозгу, если речь идет о высших животных.

Факт ощущения или образа сам по себе не составляет знания, однако любое ощущение или образ могут стать известны при подходящих обстоятельствах.

Образы возникают по-разному и играют различную роль.

Некоторые из них появляются как приращение некоторого ощущения и могут распознаваться как образы лишь психологами; они формируют, например, осязательные свойства вещей, которые мы только видим, и визуальные свойства вещей, к которым мы только прикасаемся. Я думаю, что сновидение отчасти принадлежит к этому классу образов: некоторые сны возникают как следствие неправильной интерпретации некоторых обычных стимулов, и в этих случаях образы подсказаны ощущением, но подсказаны менее разборчиво, чем если бы мы были в бодрствующем состоянии. Кроме того, существуют образы, которые связаны не с существующей реальностью, но с ситуацией, которая локализована в прошлом; они иногда, не обязательно всегда, присутствуют в памяти.

Существуют также образы, совершенно не соотнесенные с реальностью, если нас не обманывают связанные с этими образами чувства, – образы, витающие в наших головах, когда мы грезим или испытываем страстные желания.

Наконец, существуют образы, которые вызываются умышленно, например, когда мы размышляем, как украсить комнату.

Мы можем попытаться отличить образы от ощущений по отсутствию у нас убеждения о «физической реальности» образов. Когда мы знаем, что ощущаем образ, мы не связываем с ним убеждение, которое мы должны связывать с ощущением: мы не считаем, что образ обладает той же властью давать знание о «внешнем мире». Образы являются

«воображаемыми»; в некотором смысле они «нереальны». Однако, отличие образов от ощущений сложно проанализировать или с точностью установить. То, что мы называем «нереальностью» образов, требует истолкования; оно не имеет ничего общего со значением, выраженным в высказывании «не существует этой вещи».

Образы являются такой же подлинной частью действительного мира, как и ощущения. Все, что мы на самом деле имеем в виду, называя образ «нереальным» – это отсутствие сопутствующих обстоятельств, которые присутствуют в случае ощущения.

Когда вы слышите, как кто-то говорит о Нью-Йорке, вам на ум, вероятно, приходит некоторый образ, связанный либо с самим местом (если вы там были), либо с определенными его изображениями (если не были).

Образами мы обязаны нашему прошлому опыту, а также присутствующему стимулу, роль которого выполняет слово «Нью-Йорк». Точно так же образы, которые мы видим во сне, зависят от нашего прошлого опыта, а также от присутствующего стимула, вызывающего сновидение.

Широко распространено мнение о том, что все образы, в своих простейших составляющих – копии ощущений; если это так, то их мнемический характер очевиден.